

Изоморф. Вор

Автор:

Александра Лисина

Изоморф. Вор

Александра Лисина

Изоморф #1Фантастические миры Александры Лисиной

Вас когда-нибудь приглашали в другой мир? Делали предложение, от которого трудно отказаться? Да, да... знаю – сам дурак, что повелся. Просто выхода другого не было. Да и кто же знал, что новая жизнь начнется с трущоб? С самых что ни на есть низов, откуда мне никто не поможет выбраться? Впрочем, отсутствие средств к существованию – это еще полбеды. Если совсем прижмет, то выход, пусть и незаконный, найдется. А вот когти, зубы и чешую с хвостом уже никуда не денешь. Ведь теперь я – изоморф. А в новом мире это равносильно смертному приговору.

Александра Лисина

Изоморф. Вор

© А. Лисина, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Пролог

Никогда мне не везло в канун Нового года. Начиная с того, что именно в это время я умудрился родиться; ровно через год после этого потерял отца; два года назад схоронил мать, а сегодня вечером в полнейшей прострации вышел из гематологического центра, с бессильной злостью сжимая в кулаке медицинское заключение.

– Олег, мне очень жаль, – буквально полчаса назад сказал врач, протягивая бумажку с диагнозом. – От мамы тебе достался дефектный ген, приведший к такому же заболеванию, как у нее. Но это еще не приговор. Тебе всего двадцать три. А в нашем арсенале существует немало препаратов, которые с определенной вероятностью даже твой лейкоз[1 - Лейкоз – злокачественное заболевание крови (здесь и далее прим. авт.).] уведут в ремиссию...

Угу. Как же. Мать в свое время взяла кредит на дорогущее обследование в столичных клиниках, переехала сюда и несколько месяцев жила на съемной квартире в надежде, что суперпрепараты продлят ей жизнь. Хотя бы до того дня, пока я не окончу универ и не найду постоянную работу. Но увы. Не дожила. И я, походу, не доживу. Потому что сегодня тридцать первое декабря. Потому что поликлиника уже закрывается, а место в стационаре появится только после праздников.

Нет, они не откажут и не отправят меня на лечение в район по месту жительства. Но ожидание сроком в две недели при наличии тридцати процентов бластов[2 - Бласты – незрелые клетки костного мозга, количество которых резко увеличивается при острых лейкозах. При этом из-за генетического дефекта в них нарушается процесс созревания, поэтому бластные клетки продолжают интенсивно делиться, вытесняя из костного мозга нормальные клетки крови.] в крови – это действительно хреновая перспектива.

Я знаю. Я через все это уже проходил, пока мотался с матерью по больницам. И про лекарства все, что мог, давно выяснил. Только верить в них перестал, ведь, несмотря на хорошую статистику, маме они не помогли. А у меня такой же ген. Значит, и болезнь скорее всего будет протекать точно так же.

Но тогда, получается, все? Я списан? Столько мучений ради повышенной стипендии, ночные подработки, незаконченная дипломка... все это было зря?

Я скрипнул зубами, запихивая бумагу в карман, и, одернув куртку, двинулся прочь.

Думать ни о чем не хотелось. Поднявшийся ветер яростно рвал и без того взъерошенные волосы, стегал по лицу колючими снежинками и постоянно норовил забраться под одежду. В такую холодрыгу, будучи в расстегнутой куртке и без шапки, я регулярно ловил на себе неодобрительные взгляды прохожих, но какой смысл бояться простуды, когда со мной и так все уже ясно?

Единственное, что во всем этом было хорошего, это то, что кредит до конца отдавать не придется. И по наследству он больше ни к кому не перейдет, потому что ближайших родственников у меня не осталось.

Свернув с ярко освещенной улицы в парк, я поморщился от очередного порыва ветра и ускорил шаг. Так, напрямик, в темноте и по сугробам, до общаги можно добраться гораздо быстрее, чем огибая парк по дуге. Правда, торопиться было как раз некуда. В общежитии меня никто не ждал. А как только отгремят праздничные салюты, я, наверное, все-таки съезжу домой, чтобы решить вопрос с оставшимся после мамы жильем и квартирантами, за счет которых удавалось худо-бедно расплачиваться по кредиту. Заодно все трезво обдумаю, посчитаю. А там будет ясно, имеет ли смысл соглашаться на химиотерапию.

– Молодой человек! – вдруг окликнул меня незнакомый голос.

Я обернулся и с недоверием воззрелся на вышедшего из-за дерева мужика. Лет тридцати пяти. Высокий, смазливый и холеный донельзя брюнет, одетый так, словно только что с тематической вечеринки явился – в старомодном черном камзоле с дурацкими кружавчиками, в зауженных брюках и с самым настоящим цилиндром на голове, из-под которого на худые плечи спускались тщательно завитые патлы.

– Случайно, не вы обронули? – поинтересовался этот тип, махнув рукой с зажатой между пальцами бумажкой.

И я нахмурился, безошибочно опознав на ней печать гематологического центра с корявой подписью маминого – а теперь, получается, и моего – лечащего врача.

Блин. Когда только успел выронить?

Мужик тем временем развернул мятое заключение и, прочитав диагноз, цокнул языком:

– Олег Каменев? М-да... Не повезло тебе, парень.

– Вам-то какое дело?

– Да в общем-то никакого... за исключением того, что я мог бы тебе помочь.

Я не удержался и саркастически хмыкнул:

– На профессора-гематолога из НИИ с мировым именем вы, прямо скажем, не тянете. Или вы из этих... как их... экстрасенсов? Хотите продать волшебную травку от всех болезней или предложить новый бесконтактный метод лечения в надежде урвать бабла от того, кому больше не на что надеяться?

– Ни то ни другое, – спокойно отозвался мужик и, выудив откуда-то из-за спины старомодную трость, скрестил на набалдашнике ладони. Набалдашник, кстати, был сделан в виде оскаленной пасти какого-то страховидла. Но что за зверь, я не разглядел. – Ты и без меня прекрасно знаешь, что болезнь неизлечима и развивается слишком быстро для того оптимистичного прогноза, который дал тебе врач. Всего пара месяцев как появились первые симптомы, и вот ты уже «счастливый» обладатель огромного количества бластных клеток в крови... у твоей матери, кажется, лейкоз прогрессирует так же быстро?

У меня пересохло в горле.

– Откуда вы знаете?

– А есть разница? – улыбнулся гость, бесшумно двинувшись в мою сторону. – Гораздо важнее то, что жить тебе осталось года полтора-два. На лечении. И месяцев семь в случае, если ты откажешься от химиотерапии. Но есть, скажем так, альтернативные пути. И один из них я готов тебе предложить.

Я машинально отметил, что следов за мужиком не оставалось, снег под его сапогами не скрипел, да и тени брюнет не отбрасывал. Но страха не было. После разговора с врачом я чувствовал себя настолько опустошенным, что не только не послал этого подозрительного товарища на хрен, но и хрипло спросил:

– Что за путь?

– Экспериментальный, – оценивающе прищурился брюнет, шагнув на заметенную снегом тропинку. – Сложный. С твоей точки зрения, наверное, даже сомнительный. А если уж быть совсем точным, то я собираюсь забрать у тебя душу.

Хм. Раньше, услышав такое, я бы, наверное, заржал, покрутил пальцем у виска и пошел себе дальше, но сейчас у меня из груди вырвался всего лишь горький смешок.

– Вы что, дьявол?

– В моем мире нет такого понятия. – Мужик чуть наклонился и взглянул на меня сверху вниз. – Но даже если бы оно существовало, то сам факт того, что я могу забирать человеческие души, не делает меня вселенским злом. Это просто работа. А ты всего лишь очередной клиент. Такое объяснение тебя устроит?

Я вздрогнул, обнаружив, что на месте глаз у мужика зияют два черных провала, в которых, как в зеркале, отражаются звезды. Хотя нет. Небо-то сегодня пасмурное, звезд не видно. Так что это не наши звезды, а, наверное, его собственные. Или же они порождение того места, откуда он явился?

Тем не менее ни удивления, ни беспокойства я по-прежнему не ощущал. Видимо, здорово меня новости от гематолога приплющили. До сих пор вон душевая анестезия, итить ее за ногу, работает.

– Ладно, допустим, – кашлянул я, убедившись, что насчет мужика мне не померещилось. – Хочу только спросить: это всегда так? Вы приходите из ниоткуда, забираете кого хотите, и на этом все благополучно заканчивается? Никакого круговорота душ в природе, ада и рая, Бога и дьявола? Есть только вы, и... все?

– В моем мире – да. А в этом люди сильно все усложнили, поэтому я должен спросить у тебя разрешения.

– Разве оно на что-то влияет?

– Таковы правила: из чужого мира душу можно забрать лишь в том случае, если она сама этого захочет, – спокойно ответил мужик. – Если ты согласишься, то будешь жить. Молодым и здоровым, как раньше. Мир, в который я тебя заберу, во многом похож на Землю. Правда, законы природы там несколько отличаются от того, к чему ты привык, да и цивилизация развивалась по иному пути. Однако вряд ли это станет проблемой. Тело я тебе подобрал достойное, трудностей с привыканием возникнуть не должно. Хотя ты, наверное, гадаешь, почему я явился именно за тобой, а, скажем, не за людьми, которые вышли из онкоцентра получасом раньше или позже? – продолжил этот тип, когда я уже открыл рот для следующего вопроса. – Ответ прост: ты молод, неглуп, обречен на скорую смерть и был бы не прочь начать все сначала. Такие, как я, умеют считывать эмоции, не удивляйся, – добавил он, когда я недоверчиво прищурился. – Это одно из свойств того, кого в вашем мире называют сборщиком... или собирателем душ. Так вот, из всех возможных претендентов твои душевные качества мне показались наиболее подходящими. В остальном ограничений нет. Ты волен сам выбрать, кем станешь в новом мире. Я всего лишь предлагаю шанс, который не смогли дать ваши земные доктора.

Я окинул незнакомца скептическим взглядом:

– Больно складно все получается... вам-то это зачем? И сколько мне это будет стоить?

– Цена стандартная – бессмертная душа в мое полное распоряжение сроком на целую вечность... Шучу, – усмехнулся тип, когда у меня снова дернулась щека. – Душами мы не торгуем, а рабства в том мире не существует. Но Ирнелл кое-что мне задолжал, и теперь я хочу восстановить равновесие. Поскольку сделать это в одиночку проблематично, то мне нужен помощник. Наблюдатель, если угодно. Мои глаза, уши и голос в чужом для тебя мире. Это и есть цена твоего воскрешения.

Я с сомнением покосился на протянутую ладонь.

В сказки верить меня давно отучили, в волшебство и в бескорыстно оказанную помощь – тем более. Да и каких только чудиков по улицам не болтается? Ролевики, любители всевозможных квестов, включая такие, где надо поймать на улице первого встречного и убедить его, что ты не несешь полный бред. В последнее время ввиду скудости бюджета даже психов стали отпускать из больниц за примерное поведение. А этот мужик в старомодном костюме и впрямь был до крайности странным.

С другой стороны, если окажется, что он всего лишь чокнутый, то хуже мне любому не станет. А если он не врет, то чего тогда терять? Невыплаченный кредит? Диплом, который никому не пригодится? Близких у меня не осталось. Друзей, таких, чтоб за ними в огонь и в воду, я тоже не нашёл. Постоянной девушкой обзавестись не успел. Все мои планы на будущее рухнули, так что по большому счету мне не за что больше цепляться.

А! Гори оно все синим пламенем!

– Можешь звать меня Шэд, – снова улыбнулся мужик, когда я шагнул вперед и крепко пожал протянутую руку. – С днем рождения, Олег. Надеюсь, в новом мире оно будет не таким болезненным, как в этом.

Глава 1

Следующее, что я помню, это крик – громкий, неистовый, неведь откуда взявшийся многоголосый крик, в котором без труда можно было распознать боль и отчаяние. Он, правда, на человеческий не походил, но после мгновения оглушающей, прямо-таки мертвой тишины, которая осталась во мне еще с прошлой жизни, этот звук показался настолько громким, что я непроизвольно шарахнулся и, со всей дури ударившись затылком обо что-то твердое, рухнул на пол.

Твою ж тещу...

Почти одновременно с этим неподалеку раздался взрыв. По глазам, прямо сквозь неведь откуда взявшийся дым, ударила яркая вспышка. Ноздрей коснулся

едкий запах дыма. А затем сквозь вой и рев невидимого зверья донесся треск сгорающей древесины, грохот ломающихся перекрытий и яростное гудение пламени, от которого у меня волосы на загривке встали дыбом.

Поспешно вскочив, я попытался открыть слезящиеся глаза, но не удержался на разъезжающих ногах и грохнулся снова, проклиная собственную неуклюжесть. Хотел было выругаться, но вместо слов наружу вырвался лишь нечленораздельный хрип. Попытка подняться в третий раз все-таки увенчалась успехом, но прежде, чем я сообразил, что вполне комфортно чувствую себя на четвереньках, на мою спину без предупреждения рухнуло что-то тяжелое, отчего я сдавленно охнул и в очередной раз распластался на полу.

Да что за нафиг...

Отчаянно не желая умирать в стремительно набирающем силу пожаре, я рванул вперед, слепо шаря руками по деревянному полу. Затем все же впился в него ногтями, напрягся, взревел. И, почувствовав, как что-то со свистом пролетело над головой, буквально выдернул себя из-под тяжелой фиговины, оказавшейся самой обычной балкой, которая лишь чудом не перешибла мне позвоночник.

О том, что вообще произошло, какого хрена я тут делаю и откуда взялся огонь, я додумывал уже на ходу, не испытывая ни малейшего стыда за то, что ползу на четвереньках и столь негероическим способом покидаю поле боя. Рук и ног я почти не чувствовал. Перед глазами все плыло. Поэтому я полз вперед на ощупь, как контуженный инвалид, со всей доступной скоростью переставляя одеревеневшие конечности. От слабости меня мотало из стороны в сторону. Я несколько раз падал. Хрипло рычал и снова поднимался. Будучи неспособным ориентироваться в густом дыму, понимал только то, что нахожусь в довольно большом помещении, заставленном железными клетками, в которых мечутся обезумевшие от страха, невидимые в дыму звери.

Зверье было жалко. В пожаре они или задохнутся от дыма, или же сгорят заживо. Но я при всем желании не мог им помочь. Самому бы уцелеть...

Черт. В какой стороне тут выход?!

В очередной раз впечатавшись мордой в какой-то шкаф, с которого вниз со звоном посыпалось что-то стеклянное и хрупкое, я чувствительно ушиб нос и дернулся налево. Но вовремя уловил подозрительное движение и тут же отпрянул, в последний момент ввинтившись между накренившимся шкафом и стеной. Услышав новый грохот, которому вторила очередная огненная вспышка, непроизвольно припал к полу, сжимаясь в комок. А как только впереди полыхнуло во второй раз, стартанул с места в карьер и, мысленно костеря свое невезение, рванул прочь. Ища хотя бы проблеск, хоть один спасительный проход, через который можно было выбраться из этого ада.

Наконец впереди действительно мелькнул просвет, и я, полуослепший, задыхающийся и почти оглохший от чужих воплей, со всех ног помчался в ту сторону. А еще через несколько ударов бухающего в ушах сердца проломил собой хлипкую стену из наваленных друг на друга деревянных ящиков и буквально вывалился в узкий коридор, до которого еще не успел добраться огонь.

Всего мгновение на то, чтобы перевести дух. Одна-единственная секунда, чтобы разлепить спекшиеся от жара веки и торопливо оглядеться.

Серые каменные стены, стальные крепления по бокам, смутно похожие на подставки для факелов, удручающе низкий потолок и покрытый жирными хлопьями пепла пол, на котором совершенно естественно смотрелись покрытые темно-серой чешуей когтистые лапы...

Точнее, МОИ лапы. Самые обычные, довольно большие и смутно напоминающие кошачьи. Когда я их увидел, в каменном мешке сперва стало подозрительно тихо, а потом между стенами с удвоенной силой заметался хриплый звериный рык, ознаменовав собой крайнюю степень непонимания и раздражения, вызванных неожиданным открытием.

ДА ЧТО, Я ВАС СПРАШИВАЮ, ЗА НАФИГ?!

Кто это?! Что это вообще такое?! И в какое, дьявол его раздери, тело этот смазливый кретин запихнул мою бессмертную, сука, душу?!

Впрочем, о Шэде, или как там его зовут, думать было некогда. Сперва надо ноги, то есть лапы отсюда унести, а уже потом искать ответы на вопросы.

Тряхнув башкой, я с досадой щелкнул пастью, в которой ощущался целый комплект подозрительно длинных зубов, и, издав еще один негодующий рык, рванул прочь от обреченного помещения. Туда, где в этот момент еще больше посветлело и где, как мне показалось, мелькнуло нечто похожее на дверь.

До конца коридора я добрался всего за три громадных прыжка, действуя больше по наитию, чем следуя какому-то плану. Тело неожиданно заработало само, четко и быстро, как отлично налаженный механизм. Лапы умело пружинили во время бега, когти без усилий вгрызались в камень. Внезапно обнаружившийся гибкий и на удивление длинный хвост помогал сохранять равновесие. Тогда как я незаметно для себя превратился из водителя экстремально быстрого авто в пассажира, которого очень своевременно отстранил от управления автопилот.

Ощущения, надо признать, были двойственными, но вмешиваться в процесс я не рискнул. Тело было чужим, странным донельзя, да еще и со смещенным центром тяжести, так что за руль лучше было не хвататься. А то занесет на повороте, как идиота на гоночном болиде, и привет, костей потом не соберешь.

В глазах при этом внезапно начало двоиться. Я видел то заполненный дымом коридор, то сизые клубы вдруг исчезали, цвета блекли, зато четкость изображения становилась такой, словно у меня в башке включался прибор ночного видения. От этой двойственности с непривычки замутило. Картинки менялись так быстро, что было невозможно уследить, в какой момент одна переходит в другую. Правда, по пути я все же успел рассмотреть натянутые в коридоре на разных уровнях ярко-алые нити, больше похожие на лучи лазера. Что это такое, не понял, но «автопилот» не захотел с ними связываться, и я не стал возражать, когда тело само поднырнуло под подозрительные штуки, постаравшись не задеть их ни единой чешуйкой.

Что же касается двери, то она действительно нашлась. Большая, деревянная, но какая-то старомодная и окованная металлическими полосами, словно в средневековом замке. Последний факт меня насторожил, но перехватить управление я не успел, поэтому со всего маху врезался в приоткрытую створку и, разнеся ее в щепы, с грохотом вывалился наружу.

Свобода...

Свобода встретила меня теплой летней ночью, восхитительно свежим воздухом, видом убегающей в обе стороны улицы с домами, построенными по технологии позапрошлого века. А также непроницаемо черным небом с крохотными точками незнакомых звезд и выстроившимися полукругом шестью татуированными мужиками в длинных, распахнутых коричневых кожаных пальто.

Выглядели мужики как американские гангстеры из шестидесятых – насупленные, мрачные, с высоко поднятыми воротниками и расставленными на ширину плеч ногами. Только шляп и револьверов, пожалуй, не хватало. Ну и несколько выбивались из образа одинаковые кожаные нагрудники с нашитыми на них металлическими пластинками.

Зато эти нехорошие товарищи недвусмысленно целились в меня из каких-то продолговатых, явно металлических хреновин, у которых было вполне современное дуло и практически отсутствовала рукоять. То ли кастрированный пистолет, то ли бластер... Я даже сообразить ничего не успел, как тело вновь вошло в автономный режим, на жалкую долю мгновения притормозило, а затем с бешеным рыком сигануло вперед.

Лишь много позже я сообразил, что эта крохотная заминка спасла мне жизнь – выстрелившие из хреновин ярко-белые лучи скрестились совсем не в том месте, где я только что стоял, и слегка не там, куда я приземлился. Они соединились чуть в стороне от моей и без того ушибленной головы. Но даже с этой уловкой мне не удалось избежать встречи с оружием «гангстеров» полностью, поэтому правый бок все же обожгло. Передняя лапа отнялась до самого плеча и предательски подломилась. И я бы точно грохнулся, если бы выстреливший из-за спины хвост не изогнулся и не подменил собой пострадавшую конечность, сыграв роль своеобразного костыля.

Благодаря ему я даже равновесия не потерял и, вторым прыжком добравшись-таки до мужиков в пальто, с ходу опрокинул одного из них навзничь. Ударил здоровой лапой по груди. Взревел, наткнувшись на металлические пластинки нагрудника, по которым когти сперва гулко клацнули, а потом с устрашающим визгом соскользнули, почти не причинив вреда.

Впрочем, «автопилот» не растерялся и, пока я соображал, что к чему, тут же хватанул зубами ничем не защищенное плечо. Я мотнул головой, вырывая оттуда приличный кусок плоти. А затем под громогласный вопль отпрыгнул к другому мужику, волоча за собой онемевшую конечность, как неуклюжую тяпку.

Хвост тоже времени даром не терял. Пока я валял в пыли своего противника, он умудрился хлестнуть наотмашь того, что стоял левее, и, кажется, даже вцепился ему в глотку. Чувак отшатнулся. Потом подозрительно забулькал, обливаясь кровью и тщетно пытаясь отодрать присосавшийся к горлу хвост. Затем начал очень и очень медленно оседать на землю. И только после этого остальные зашевелились, в воздухе раздались злые крики, а следом прозвучала и команда на абсолютно незнакомом языке.

- Ну-урр! - звучно выматерился кто-то из «гангстеров», подозрительно растягивая слова. - Нурр-шайе-ен! Ойдо-орене-е та-арре!..

И еще что-то такое же непонятное.

Что сие означало, я допытываться не стал - все равно мы бы общего языка не нашли. Вместо этого я дотянулся когтями до третьего мужика, порвав ему ногу и тем самым окончательно сломав строй. После чего заметил краем глаза нацеленное на меня дуло «бластера». Торопливо ударил когтями еще одного мужика, оттолкнул и, прикрывшись им, как щитом, кинулся в узкий просвет между домами, спеша укрыться в темном переулке.

Зрение все так же плавало, не давая толком сориентироваться. Зато хвост не подвел, продолжая исправно выполнять роль костыля, так что в скорости я почти не потерял. А добравшись до ближайшего дома, услышал за спиной подозрительно громкий щелчок и торопливо пригнулся, пропуская над головой сразу два ослепительно белых луча.

«Другие законы, млять! - зло подумал я, снова подхватываясь на ноги и огромными прыжками убегая в ночь. - Иной путь развития... не мог сразу сказать, что меня будут пытаться убить какой-то гребаной магией?!»

- Нурр! Нурр-шайен! - снова обматюгали меня со спины, и над головой пронесся еще один белый луч, лишь чудом не опалив мне спину.

Били наугад - благодаря темноте и стелющемуся по улице дыму от догорающего здания видимость была безобразной. Как для меня, так и для тех татуированных уродов. Но радовался я этому обстоятельству ровно до тех пор, пока не достиг конца спасительного проулка и не уперся взглядом в выросшую из темноты

кирпичную стену высотой в два, а то и в два с половиной человеческих роста.

При виде ее я лихорадочно заметался взглядом по сторонам, прекрасно понимая, что с травмированной лапой на такую верхотуру не заберусь. Но прежде чем послышавшийся сзади топот и злые вопли приблизились, мой на удивление длинный, густо покрытый чешуйками хвост самовольно вытянулся и наотмашь хлестнул по стене ближайшего дома.

Стена, между прочим, была каменной. Но от удара от нее только осколки брызнули в разные стороны. А хвост неожиданно изогнулся дугой, затем вбуравился в камень и так явственно напрягся, подтягивая меня к себе, что я не стал дальше думать и дал телу команду прыгать.

Тело не подвело. Прямо с места, невзирая на парализованную лапу, сигануло вверх на приличную высоту, впивив в стену острые когти. Затем подтянулось. Дождавшись, пока хвост переберется на новую высоту и как следует зацепится, под негодующие вопли охотников я вздернул себя сперва до второго этажа. А затем и на крышу. Восхитительно плоскую, широкую, покрытую какой-то прорезиненной фигней крышу, которая почти вплотную примыкала к крыше соседнего дома.

Дальше объяснять уже не понадобилось.

Не желая подышать в чужом мире, в чужом теле и от каких-то магических хреновин, я надал так, что только пятки засверкали. Волочащаяся под брюхом лапа отчаянно мешала, но потом я догадался подхватить ее в зубы, и она перестала мне докучать. Хотя бок по-прежнему болел. Обожженная шкура саднила. Глаза до сих пор слезились. Но наверху, где дыма почти не было, видеть я все-таки мог, а это уже большое дело.

На мое счастье, застройка в городе оказалась довольно плотной, так что перепрыгивать с крыши на крышу ничто не мешало. А скорость, с которой перемещалось мое новое тело, существенно превышала человеческую, поэтому, наверное, и мужики внизу вели себя заторможенно, и их слаженный, казавшийся абсолютно верным выстрел сумел меня всего лишь ранить, а не убить. Да и сейчас я уже вон куда умчался, а они только-только вышли из ступора и кинулись вдогонку.

Так... так... куда теперь? Город передо мной как на ладони, но карты нет, поэтому первая же моя ошибка скорее всего станет и последней.

Судя по тому, как близко стояли дома и какого они были потрепанного вида, выкинуло меня в небогатом квартале. Довольно скудно освещенном, пустынном, с узенькими захламленными переулками, где шансы затеряться были существенно выше, чем среди широких проспектов и роскошных особняков. Идеальный вариант, конечно, найти укрытие, но где, блин, его взять? Дома все низенькие, в один-два этажа. Есть ли у них подвалы, непонятно, а на выяснение времени не было. Над крышами, правда, тут и там виднелись макушки незнакомых деревьев и каких-то местных лопухов, похожих на громадные папоротники, но все они были или тощими, или низкими, или то и другое сразу.

Одним словом, не спрячешься.

Остаться на крыше тоже не вариант. Или стрелой, или заклинанием, но все равно достанут. А скоро эти придурки сообразят забраться следом, и вот тогда от парализующего луча меня ничто не спасет. Кроме, быть может, расстояния. Да и то, где гарантия, что похожая на бластер фиговина не бьет на сто, двести или триста шагов? Вдруг у нее дистанция поражения полкилометра? А вдруг больше?

Уловив краем глаза, как сзади в небо вертикально ударил и подозрительно надолго завис в воздухе уже знакомый белый луч, я снова надал, стараясь оставить между ним и собой как можно большее расстояние.

Нет. На открытом пространстве я с этими ребятами встречаться не хочу. Их, конечно, стало в два раза меньше. Но кто сказал, что кроме парализаторов у них не найдется оружия покруче?

Ах ты ж, мать моя природа...

Я скрипнул зубами, расслышав внизу быстро нарастающий стук копыт и новые крики.

Они еще и верхом... да, похоже, целым отрядом скачут. Выходит, я не всех увидел? Или они дом с разных сторон обложили, прежде чем поджечь? Черт. На соседних улицах тоже взмыли вверх белые столбы. Значит, и там выходы

перекрыты. Обложили, гады...

И что я им, спрашивается, сделал? За какие заслуги за мной отправили ТАКУЮ погоню? Ну ладно. Может, не лично за мной, а за телом, которое я оккупировал. Но теперь разве докажешь, что я не верблюд? Язык незнаком, мир чужой, город неизвестен. Куда, спрашивается, податься бедному зверю? Назад нельзя. Внизу засада. С боков тоже кто-то подбирается. А впереди, метров через пятьсот, дома самым неприятным образом заканчиваются. Слева, кажется, расположена площадь, через которую мне при всем желании не перепрыгнуть, а с другой стороны виднеется что-то непонятное. То ли башня, то ли ратуша – в темноте хрен разберешь.

Я досадливо рыкнул, но все же повернул направо – на открытой всем ветрам площади ловить точно было нечего. А вот с башней возможны варианты. Затем сунулся к краю крыши с мыслью по-быстрому спуститься и, пока не поздно, перебраться на другую сторону улицы, но и там уже замелькали огни. В небе один за другим разгорались ярко светящиеся столбы, отрезая пути к отступлению. И вообще во всем квартале началось какое-то подозрительное шевеление.

Неужто из-за меня?! Или Шэд еще о чем-то умолчал?

Я перехватил онемевшую лапу поудобнее и, порадовавшись, что вопреки здравому смыслу на соседних крышах до сих пор не появилось гостей с магическими «пушками», без помех добрался до последних домов. Но только оказавшись на месте, с досадой осознал, что выбрал неправильную цель.

Оказывается, из-за беспрестанно сбоящего зрения я плохо рассмотрел детали и то, что я изначально принял за башню, было всего лишь развалинами. Голым металлическим остовом, на котором каким-то чудом держались остатки скрепленных строительным раствором камней. Все остальное, что когда-то являлось стенами, полом, лестницами, лежало беспорядочными грудками внизу, в окружении остатков стены, что некогда возвышалась вокруг разрушенной башни.

Допрыгнуть до нее у меня бы не получилось – между последним домом и руинами виднелась полоса пустого пространства. Чтобы ее преодолеть, мне пришлось бы спрыгнуть с крыши и пробежаться по земле. Но именно этого я не

мог сделать, потому что с близлежащих улиц на площадь уже высыпали вооруженные до зубов воины. Обычные средневековые воины в одинаковых доспехах, наводящих на мысль о регулярных воинских частях; в блестящих шлемах, с алебардами на изготовку и готовые с ходу вступить в бой с неведомым противником.

Вот это я попал!

Я непроизвольно попятился, заметив, что вместе с ними из темноты один за другим выныривают уже известные мне парни с затейливыми тату на мордах. А затем припал пузом к крыше и ползком-ползком двинулся в обратную сторону. Беспокойно обшаривая глазами соседние крыши в поисках хоть какого-нибудь укрытия и нервно шевеля ноздрями, которых внезапно коснулся знакомый, хотя и малоприятный запах.

Эй! Что это?! Волшебный аромат канализации?

Услышав с площади отрывистые команды и характерное позвякивание железа, я отполз еще дальше и, свесив морду с крыши, напряженным взглядом уставился вниз. На захламленный до предела, поросший местным аналогом бурьяна двор, откуда доносилось характерное амбре.

Неужели в этом городе есть подземелья?!

«Вот сейчас и проверим, – мрачно подумал я, заметив, как над площадью стремительно разгорается белое марево. Точно такое же, как в тех столбах, что отметили мое перемещение по городу. – Похоже, тут придумали оружие массового поражения. Не исключено, что специально для поимки опасных тварей, магов-ренегатов и всяких там попаданцев».

Времени на размышления оставалось немного – в небе надо мной стали одна за другой расцветать яркие белые полосы, быстро сливающиеся в одну большую, вот-вот готовую рухнуть вниз сеть. Если она накроет дом, мне крышка. Так что была не была...

Я мысленно поплевал через левое плечо и соскользнул вниз, постаравшись произвести как можно меньше шума. Еще несколько мгновений потратил, чтобы найти канализационную решетку, изображение которой по-прежнему двоилось,

поэтому она казалась то рыжей из-за густо покрывшей ее ржавчины, то ярко-алой. Отыскав ее под кучей древнего мусора, тихо порадовался отсутствию замков. Так же тихо, стараясь не привлекать внимания санитаров, то есть старательно колдующих за забором магов, ее поднял. Благополучно заполз внутрь узкого темного колодца, в котором угадывалось далекое-предалекое дно. А в самый последний момент успел заметить яркую, больно ударившую по глазам белую вспышку. Которая сперва вынудила меня зажмуриться, а затем с такой силой жახнула по глазам, что я от неожиданности выронил из когтей тяжеленную железку и, оступившись, с приличной высоты грохнулся вниз. На жесткое каменное основание, о которое уже не первый за сегодня раз капитально приложился башкой и на какое-то время выпал из реальности.

* * *

Когда я пришел в себя, вокруг было тихо и темно. Зато пахло на редкость гадостно. Нет, в непосредственной близости продуктов чужой жизнедеятельности я, распахнув слезящиеся глаза, не увидел. Несмотря на мощное канализационное амбре, говняные реки мимо меня не текли. Хотя, думаю, при желании их легко будет найти. Где-нибудь тут, за поворотом, откуда доносилось веселенькое журчание.

Пол в подземном тоннеле оказался каменным. И соответственно, холодным и влажным, как и полагается по сценарию. Стены кирпичные, но их первоначальный цвет не определялся из-за растущей в изобилии плесени. Зато вдоль одной из стен виднелась заботливо прорубленная в камне и убегающая в темноту узкая канавка, откуда несло характерными миазмами. Причем очень мощными миазмами, которые заставили меня скривиться.

Однако стоило только подумать, что я сейчас задохнусь, как оказавшееся на редкость мудрым тело что-то сделало, и ударивший в нос запах словно разложился на составляющие. Так что, если не заострять внимания, его вполне можно было переносить. К примеру, сейчас я ощутил, что вокруг пахло сыростью, плесенью и гнилью. Еще до меня доносился слабый запах железа, соли и какой-то органической тухлятины. А сквозь него совершенно отчетливо пробивался еще один аромат... запах живой, относительно близкой добычи, при мысли о которой у меня перед глазами весьма живенько нарисовался образ самой обычной крысы.

В какой-то момент этот образ стал настолько ярким, что рот непроизвольно наполнился слюной, а из пустого брюха предвкушающе квакнуло. В тот же миг я ощутил себя полновластным владельцем нового тела. Внезапно почувствовал все полученные им ссадины, ожоги и даже поднывающий палец на левой передней лапе. Глянув вниз, с огорчением обнаружил, что где-то успел потерять один из когтей. Затем оглядел низко нависший потолок, грязные стены, под которыми виднелись отчаянно смердящие лужи. Разом ощутил, что страшно хочу есть, пить и вымыться. С трудом приподнялся на дрожащих лапах, еще раз огляделся и неожиданно нашел, откуда в моем оголодавшем мозгу появился дразнящий образ добычи.

Как оказалось, в паре шагов под стеной, в том месте, где темнота была особенно густой и сочной, находилось несколько аккуратно сложенных горкой крысиных трупиков. Нет, я не помню, чтобы их убивал. И они не выглядели раздавленными, на случай, если кому-то подумалось, что я мог зашибить их во время падения. Трупики выглядели совсем свежими. Некоторые из них даже были теплыми. Однако вместо отпечатков зубов я увидел на телах лишь одинаково узкие проколы, словно крыс кто-то сперва удачно нанизал на шампур, а потом аккуратно сбросил в уголок, запасая добычу впрок.

Исходящий от них аромат был настолько соблазнительным, а я был настолько голодным, что без раздумий подполз и жадно схрумкал все, до чего смог дотянуться.

А что? Вкусные оказались крысы. Мягкие, сочные... я только что не заурчал от удовольствия, когда глотал их, практически не жуя. А услышав раздавшийся в противоположном углу слабый писк, проворно повернулся и приподнял окровавленные губы.

Еще одна крыска... вон у стены сидит, настороженно шевеля усами. Большая, сочная. И очень вовремя решившая сюда забраться, потому что я еще не насытился, а оставленные каким-то добряком запасы как раз подошли к концу.

Тем временем выглянувший из щели грызун тревожно замер и, приподняв переднюю лапку, настойчиво принялся. Меня он не видел – на месте глаз у него красовались уродливые бельма. Видимо, здешние крысы в отсутствие света мутировали, так что ориентировалась зверушка только на запах. А может, и на звук тоже, хотя ушей на ее голове я не заметил. Еще от земных товаров она отличалась почти полным отсутствием шерсти, но, с моей точки зрения, это был

скорее плюс – не люблю, когда волосы в зубах застревают.

Ну что же ты, лысая? Давай вылезай полностью. В твою нору я при любом раскладе не пролезу, а кушать очень хочется. Хотя и не так сильно, как минуту назад.

Крыса внезапно обеспокоилась и, передумав рисковать, юркнула обратно в щель между кирпичами. Но прежде чем она успела скрыться, мой своенравный хвост сам по себе распрямился, метнулся следом и с силой ударил в ту самую щель, где пропала добыча. Оттуда донесся истошный визг, шум борьбы, невнятный шорох. А потом хвост так же самостоятельно вернулся, неся на своем кончике судорожно дергающуюся добычу, после чего аккуратно положил ее на пол и снова улегся, свернувшись у моих лап, словно послушный пес.

Кхм. Ладно. Еще одно открытие из разряда непонятных, но давайте решать проблемы по мере их поступления.

Крысу я, разумеется, съел, после чего чувство голода притупилось в достаточной степени, чтобы ко мне вернулась способность думать по-человечески. И вот когда инстинкты перестали довлеть над телом, настало время все разложить по полочкам.

Итого, что у нас получается...

Пришел ко мне некий мужик, предложил сделку, после чего преспокойно вытряхнул мою душу из тела, каким-то образом перенес ее в этот мир и запихнул в совершенно другое тело, не соизволив предупредить, что оно будет сильно отличаться от человеческого. При этом выкинуло меня черт знает в каком городе, посреди черт знает какой... лаборатории, наверное? И в довершение всего меня тут же попытались убить, что вообще ни в какие ворота не лезло. Спрашивается, зачем было стараться и тащить мою душу сюда? В этот мир? Прямо под нос к тем неприветливым типам?

Я, конечно, болван, что сразу не уточнил детали, но в тот момент мне казалось, что у нас еще будет время все обсудить. Как минимум я посмотрю договор, внимательно его прочитаю, кровью подпишу. Ну или что там полагается по сценарию? Однако Шэд, собиратель гребаный, инициировал процесс переноса немедленно. И никакого договора, кроме устного согласия, ему на это не

потребовалось.

И вот теперь я в чужом мире, в чужом теле. Живой, молодой и, судя по ощущениям, здоровый, если не считать онемевшей лапы и опаленной чешуи. Сижу себе, понимаешь, в канализации, слизываю с морды свежую кровь, недоверчиво рассматриваю спокойно лежащий хвост и молча гадаю: какого черта тут происходит?!

По очереди приподняв передние лапы – да, даже правую, контуженную, но к которой уже вернулась чувствительность, – я внимательно рассмотрел темно-серую чешую. Безуспешно попробовал втянуть острые когти, лизнул саднящую ранку, уже покрывшуюся кровяной корочкой. Затем как мог изучил все остальное. Искренне порадовался, обнаружив, что хоть я и зверь, но по-прежнему мужик. Н-да, яйца, к моей радости, находились на положенном месте. Затем потрогал лапой покрытую чешуей морду. Задумчиво поскреб когтем такое же чешуйчатое, только более светлое, чем на лапах, пузо. Покрутился, повертелся и сделал несколько любопытных выводов.

Во-первых, у меня немаленькие размеры – в холке, пожалуй, до середины бедра себе прежнему достал бы. Вытянутое тело. Гибкий позвоночник. Поджарый живот и сильные лапы, позволяющие быстро бегать, высоко прыгать и одним ударом до кости расцедь бедренные мышцы взрослого человека. Еще в моем арсенале присутствовали когти длиной почти в пол-ладони прежнему меня. Относительно небольшая для такого крупного тела голова. Плоская змеиная морда, если я правильно понял. Два глаза, два крохотных уха, широкие ноздри и на редкость большая пасть, которую можно было разинуть до воистину невероятных размеров.

Чешуя, кстати, оказалась крепкой – даже мои когти с трудом оставляли на ней царапины. Наверное, лишь благодаря ей я выбрался из пожара с минимальными потерями. Только шишки набил во всяких местах, надышался дымом, опалил бок (хотя тут больше «бластеры» виноваты), лишился когтя, но на этом повреждения, можно сказать, и заканчиваются.

Еще, как показала практика, я неплохо видел в темноте. Обладал хорошим слухом. И чувствовал массу запахов, о существовании которых в прошлой жизни даже не подозревал.

Нет, неуязвимым я себя не ощущал. Не до конца вернувшая чувствительность, опаленная до самых пальцев конечность красноречиво это доказывала.

Хвост... да, вот хвост был настоящей загадкой. Причем стоило мне на него посмотреть, как эта штука неторопливо приподнялась и, изогнувшись, устояла на меня острым кончиком, будто действительно что-то понимала.

Странная хреновина. Длинная, метра два с половиной навскидку. Но это сейчас, в спокойном состоянии, тогда как в экстремальной ситуации она была способна на большее. Откуда я это знаю? Да просто помню, какой высоты был дом, на который мне удалось забраться не без помощи обсуждаемой части тела. К тому же отсюда до противоположной стены расстояние было не меньше трех метров, а хвост умудрился спокойно его преодолеть, играючи прибить укрывшуюся в стене крысу, и недостаток длины его никак не смутил. Возможно, он в какой-то степени растягивается. Или же умеет менять длину по собственному усмотрению?

Так. А что это за шишка у него на конце?

Хвост, словно услышав, качнулся из стороны в сторону, а затем чешуя на его концевом утолщении неспешно разошлась, а там...

Мама, роди меня обратно!

Я аж клыками щелкнул, обнаружив, что внутри хвоста скрывается длинная, сплошь усеянная треугольными зубами глотка. Причем зубы уходили куда-то в глубину спиралью. Языка между ними не было. Зато пока я в полном обалдении рассматривал эту жуть, изнутри медленно выдвинулись четыре острых и длинных костяных иглы, которые с тихим щелчком сомкнулись щепоткой и совершенно однозначно ответили на вопрос, кто именно убивал здесь крыс, оставляя на трупиках характерные раны.

Пока я раздумывал, что почему, и пытался понять, могу ли управлять этой штукой, хвост так же неторопливо закрыл пасть и опять улегся на пол, аккуратно обвив мою заднюю лапу.

О'кей. Намек понял. Судя по всему, ты самостоятельный, но неопасный. Да и на фига ты бы тогда стал вытаскивать нас из западни, а потом заботиться о

пропитании?

Хвост, словно услышав мои мысли, лениво скользнул по полу, вроде как вильнул, после чего я кивнул и успокоился за наше совместное будущее, которое без взаимовыгодного сотрудничества будет не только печальным, но и, полагаю, весьма коротким.

Так. С телом разобрались. Теперь надо решить, куда двигаться дальше.

Наверх не пойду – если инстинкты не врут, дело наверняка близится к рассвету, а мне в таком виде лучше на глаза никому не показываться. Если на меня облаву такими силами устраивали, значит, сейчас там должны обыскивать все дома и подвалы в надежде обнаружить мой хладный труп. Когда трупа не найдут, то обыски, вполне возможно, продолжатся. А значит, надо побыстрее отсюда сваливать и искать место, где перекантоваться хотя бы первое время. Вход в канализацию, конечно, завален мусором, вонища во дворе стоит такая, что учуять меня будет сложно. Да и подземный ход довольно узкий, человек здесь не поместится. Но кто помешает охотникам запустить сюда магию? Собак? Или специально натасканных ищеек из той же породы, что и я?

Решено. Уходим. «Хвост, ты со мной?»

Поименованная часть тела бодро взметнулась вверх и, закрутив условно называемым носом в разные стороны, словно перископом, выразительно приоткрыла чешуйки. Ага. Значит, и впрямь что-то понимает. Хотя бы эмоции, как выразился Шэд, считывает, а следовательно, с ним можно договориться.

«Следи за обстановкой», – велел я, не отрывая глаз от необычного соседа.

Хвост с готовностью щелкнул пастью и завертелся по сторонам еще активнее.

«Отлично. Тылы ты мне, значит, прикроешь».

Теперь другой вопрос: куда податься? От того места, где я стоял, влево и вправо убегали два одинаковых тоннеля. Оба узкие, грязные, с многочисленными смердящими лужами. И в обоих, если обоняние меня не обманывает, водились крысы. Выбор, как говорится, невелик. Изучать протяженность подземных

тоннелей, а также их извилистость, проходимость и степень заселенности живыми существами мне в любом случае придется опытным путем.

Я уже по привычке повернул направо, как вдруг почувствовал что-то... этакую смутную, невесь откуда пришедшую и осторожную до крайности мысль, что лучше нам двинуться в другую сторону.

Откуда она пришла, я так и не понял. Сперва даже заподозрил в разумности собственный хвост, однако тот в это время отвернулся в другую сторону и не проявлял ни малейших признаков беспокойства. Мысль же пришла и сразу сбежала, оставив в моей душе едва уловимое сомнение. Но, поколебавшись, я все же решил довериться интуиции.

Была не была.

Инстинкты у этого тела оказались развиты отменно, и несколько часов назад именно они спасли мне шкуру. Поэтому я подумал, что стоит прислушаться к ним еще разок, и похромал к левому коридору. По-прежнему подволакивая онемевшую лапу и надеясь, что хотя бы в ближайшую пару часов мне не придется ни от кого бегать.

Глава 2

Путешествие по подземельям выдалось скучным: все те же заплесневелые стены, давящий на голову потолок, стоячая вода, богатая мусором и полуразложившимися органическими останками... Ну и крысы, да. Которые при моем приближении, как правило, убегали и которых я далеко не всегда успевал настигнуть.

Хвост в этом деле оказался незаменимым помощником, ловко уничтожая грызунов и прямо на ходу заботливо засовывая их мне в пасть. Но, несмотря на то что всю дорогу я постоянно чего-то жевал, чувство голода так до конца и не ушло.

Еще мне сильно докучало двоение в глазах, хотя оно стало ощутимо реже и более упорядоченным, что ли? Живописные плесневые пятна на стенах то выглядели нормально, то превращались в какой-то сюрреалистичный пейзаж. Громко жужжащие мухи порой становились похожи на опалесцирующих светлячков. Ползающие по стенам мокрицы выглядели как светящиеся монстры из фильмов ужасов. Даже крыс я видел то самыми обычными, а то они превращались в сгустки ядовито-зеленой хрени, по форме напоминающие крыс, которые точно так же бегали и дрыгали лапами, когда их нанизывал на иглы мой кровожадный хвост.

Только спустя какое-то время я сообразил, что это не раздвоение сознания, а всего-навсего другой спектр зрения. Который теперь включался в автоматическом режиме каждые десять секунд, но которым, как выяснилось, можно было управлять.

Остановившись посреди коридора, я решил попробовать применить эту способность осознанно и на удивление неплохо справился. Для этого даже особых усилий не потребовалось – достаточно было просто сосредоточиться. Причем в этом, втором, спектре я видел пространство хоть и четко, но в несколько своеобразной цветовой гамме: зеленой и серой. Серым, как я понял, прокрашивалось все мертвое – стены, пол, потолок, валяющийся под ногами мусор, а зеленым, соответственно, живое. Это позволяло ориентироваться даже в крошечной тьме и безошибочно угадывать, где именно спрячутся грызуны, даже в случае, если они забивались в щели или вообще находились за углом. Правда, кроме живых объектов, ничего другого я за стенами рассмотреть не смог. Ни потайных ниш, ни провалов, ни других интересных особенностей. Ну и расстояние имело значение – способности видеть живое сквозь стены хватало всего на тридцать шагов.

Больше ничего любопытного до самой развилки не встретилось. Однако на очередном перекрестье тоннелей меня снова коснулась чья-то беспокойная мысль, заставившая притормозить и настороженно оглядеться. А еще через пару мгновений я заметил в правом ответвлении подозрительный черный комок с зеленоватыми прожилками, вид которого мне откровенно не понравился.

Комок лежал на полу и походил на свернутую в клубок змею. Время от времени он выпускал наружу короткие отростки и определялся лишь в серо-зеленом спектре. Что это за штука, я с ходу не понял, однако хвост отреагировал на нее однозначно – напружинился, изогнулся и раскрыл чешуйчатые лепестки,

выпуская наружу острые иглы.

Значит, перед нами враг. Ну или потенциально опасное создание.

Подойти и проверить догадку очень хотелось, но увечная лапа и осознание собственной уязвимости заставляли проявить осторожность. А пока я колебался, из левого коридора выскочила беспечная крыса и попыталась прошмыгнуть мимо подозрительного комка.

Тот на ее приближение среагировал мгновенно – сперва ужасся, как приговившаяся к броску гадюка, а когда крыса пробежала мимо, выпростал в ее сторону тонкие черные щупальца. Обвив лысое тельце со всех сторон, они стремительно вытянулись, напряглись, однако крыса свой бег не замедлила. Да и в видимом спектре ничего не изменилось, будто и не было на пути грызуна никакого препятствия и будто никто не пытался на него напасть.

Правда, через несколько секунд, когда щупальца натянулись до такой степени, что стали похожи на едва заметные ниточки, крыса все-таки замедлилась и, издав слабый писк, на полном ходу завалилась на бок. Зеленое свечение вокруг нее начало быстро угасать, тогда как щупальца, наоборот, стали толще и принялись жадно сокращаться, будто выкачивая из грызуна жизнь. Та пакость, прожилки в которой сразу вспыхнули, будто светодиодные ленты, встрепенулась и весьма резво поползла к упавшей добыче. После чего взгромоздилась на слабо дрыгающееся тело, оплела его щупальцами целиком. А когда крыса перестала дергаться и свечение вокруг нее окончательно угасло, полностью перейдя в заметно раздувшуюся пиявку, эта опалесцирующая дрянь в полнейшей тишине отвалилась и уползла обратно под стену. Видимо, поджидать следующего клиента.

Тот факт, что все это происходило в абсолютнейшей тишине и в недоступном для обычного зрения спектре, ничего не менял: тварь была опасна. Причем опасна именно для живых. Поэтому в тот коридор я решил не соваться. И принялся очень внимательно мониторить доступное взгляду пространство, поскольку не был уверен, что странная тварь тут одна и что у нее не найдется толпы голодных родственников.

А потом у меня возникла другая проблема: очередной коридор закончился в довольно большом зале, от которого отходили сразу пять одинаково узких

тоннелей. Но внимание привлекали не столько они, сколько большое круглое отверстие в потолке, забранное толстой, хоть и изрядно проржавевшей решеткой. Причем одновременно с ней выход перекрывали и причудливо переплетенные между собой красные нити. Точно такие же, какие я видел в сгоревшем доме и на канализационной решетке.

Остановившись под дырой, я задрал морду кверху и несколько мгновений ее рассматривал.

Света оттуда не поступало. Значит, дыра вела не в город, а в какое-то помещение. Скорее всего в подвал. Судя по тому, что по подземелью я блуждал недолго, подвал наверняка расположен недалеко от той площади. Хм. А то и прямо под ней. Быть может... да... под той самой башней, в которую я несколько часов назад так и не попал.

Взглянув на решетку с удвоенным интересом, я походил вокруг нее кругами, пытаюсь понять, что же именно не дает мне просто отвернуться и пройти мимо. Как оказалось, причина все та же – слабое, какое-то подспудное ощущение неправильности, когда разумом понимаешь, что ловить тут нечего, но кто-то другой, более мудрый и знающий, настойчиво шепчет: задержись, это может пригодиться...

Тяжело вздохнув, я еще раз огляделся по сторонам, но виднеющиеся неподалеку входы в тоннели были неприлично темны, до отвращения грязны и в довершение всего возле каждого из них я обнаружил караулящих добычу «пиявок». Но что самое скверное, сидели они там не по одной и не по две, а целыми семьями. Выглядели гораздо крупнее, чем одиночка из предыдущего коридора. Возле одного из тоннелей тварей сидела целая толпа, отчего весь пол казался заляпан черно-зелеными кляксами.

Итого вместо пяти выходов у меня осталось четыре.

Два из них казались почти свободными, потому что через скопившихся там тварей можно было попробовать перепрыгнуть. Те, что слева, оказались заселены чуть меньше, но когда я приблизился, то обнаружил, что кляксы расплзлись далеко вглубь, так что незамеченным мимо них уже не пробраться.

Еще минус два выхода.

И снова выбор невелик: направо или налево?

«Наверх», – настойчиво прошептала интуиция. И очень скоро я понял, почему она проснулась: пока я думал, кляксы у стен зашевелились и целеустремленно поползли в мою сторону.

Ну вот, приплыли...

Я развернулся к тому тоннелю, откуда пришел, но, как оказалось, твари и туда успели добраться. Медленно, незаметно они целеустремленно брали меня в кольцо, оставляя лишь один вариант для маневра.

«Да что ж за гадство творится в этом мире? – раздраженно подумал я, а хвост недовольно дернулся, оцетиниваясь иголками. – Неужели нельзя было отправить меня в нормальный город? К нормальным людям? Или хотя бы к таким же монстрам, как я, чтобы не пришлось ни от кого спастись бегством?!»

Поняв, что выхода и впрямь нет, я отвел пострадавшую лапу в сторону и мысленно прикинул расстояние до потолка. Хвост без напоминаний уперся «мордой» в пол, создавая дополнительную опору. А когда кляксы с удвоенной скоростью ринулись вперед, он тугой пружиной распрямылся и буквально выстрелил вверх, вцепившись в решетку зубами. Видимо, на случай, если я оплошаю.

Я не оплошал, так что подпрыгнул высоко, мощно, а в решетку вцепился не только хвостом, но и левой передней лапой и даже клыками. Мелькающие перед глазами алые нити, как ни странно, не причинили мне ни малейшего вреда. Но, наверное, от волнения пасть тут же наполнилась слюной, и вот тогда я сделал еще одно открытие – оказывается, чтобы забраться в подвал, выламывать решетку, как я собрался поначалу, было не обязательно. Стоило слюне попасть на металл, как тот протестующе зашипел и запузырился. А мне в рот полилась шипучая солоноватая смесь, по вкусу напоминающая самую обычную «Кашинскую».

Противной она не была. Напротив, мне даже понравилось. Единственное, пришлось просунуть лапу между прутьями и вцепиться когтями в края отверстия, чтобы не грохнуться вниз, когда решетка расплавится. Когда же я

уверился, что ни при каком раскладе уже не свалюсь, то осторожно сомкнул челюсти, не без удовольствия отметив, как приятно пузырится на языке железо. Более того, именно сейчас, ощущая во рту его солоноватый привкус, я почувствовал, что необъяснимое чувство голода наконец-то затихло. Похоже, я нашел то, чего мне не хватало. И уже спокойно перекусил истончившуюся решетку, захрустев железными прутьями, как карамелькой.

На то, чтобы выгрызть их и сожрать почти полностью, у меня ушло меньше минуты. За это время кляксы сообразили, что ловить внизу нечего, и начали с поразительной скоростью взбираться на стены. Потом они, разумеется, переползли на потолок. Но к тому времени, как уродцы приблизились, я уже благополучно миновал алые нити, оказавшиеся не более опасными, чем свет от лазерной указки, после чего выбрался наверх, в просторное помещение, напоминающее большой подвал, и, развернувшись, приготовился убивать лезущих следом тварей.

Но каково же было мое удивление, когда выяснилось, что никто за мной наверх не сунулся. Добравшиеся до края отверстия кляксы только пару щупалец рискнули просунуть внутрь, однако, коснувшись одной из алых ниточек, так резво отдернулись обратно, что я с облегчением выдохнул.

Похоже, эти нити для меня неопасны, а вот для клякс сыграли роль своеобразного барьера. Вероятно, магического. Скорее всего тот, кто его поставил, прекрасно знал, что за гадость обитает в городских подземельях. И что гораздо важнее, знал, как от нее защититься.

Постояв у дыры какое-то время и убедившись, что гостей из подземелья ждать больше не нужно, я окончательно успокоился и отошел в сторонку, намереваясь исследовать доставшееся мне в единоличное пользование помещение. Но стоило только поднять голову, как темнота в одном из углов сгустилась, а мгновением позже оттуда выступил человеческий силуэт и знакомый до отвращения голос на чистейшем русском произнес:

– Я вижу, ты уже освоился? Ну, здравствуй, Олег. Надеюсь, ты подготовил свои вопросы? Потому что времени на разговоры у нас будет немного.

* * *

При виде улыбающегося брюнета у меня что-то булькнуло в горле. Сборщик душ выглядел так, словно сошел со страниц модных журналов. Тогда как я был невероятно зол, устал, грязен как свинья, да еще и говорить разучился, что раздражало невероятно.

– Гхр-р-р... – вот, собственно, и все, на что оказались способны мои голосовые связки. – Гхрр! Хр! Грррр-хр-р-рам!

– Ты расстроен, я понимаю, – ничуть не удивился Шэд, когда я припал к полу и свирепо оскалился. – Но тело и впрямь отличное. Сильное, ловкое, живучее...

«Да?! Может, поменяемся?!»

– Нурры – самые проворные создания на Ирнелле, – с самым невозмутимым видом продолжил этот гад. – Я, правда, удивлен, что ты не вытеснил до конца прежнего владельца. Вторая душа в одном теле может стать опасной. Особенно если это душа зверя.

Я зашипел, а хвост и того хуже – яростно завибрировав, он вдруг самым настоящим образом плюнул в стоящего поодаль Шэда. Правда, попасть не попал – мерзавец вовремя уклонился, а за его спиной в стене расцвела глубокая, оплавленная по краям дыра, откуда с шипением взвился ядовитый дымок.

– Надо же, – искренне удивился собиратель, когда мы с хвостом в редком единодушии оскалились. – Неужто вы сумели договориться?

Я мельком покосился на трепещущий у самого плеча хвост. Но даже если им и управляла оставшаяся в этом теле душа, то избавляться от нее я не собирался.

– Как знаешь, – пожал плечами Шэд, с легким любопытством оглядев нас, как какую-то диковинку. – Хотя я полагал, что мы поговорим о другом. И ты хотя бы поинтересуешься, почему я переместил тебя именно в это тело.

«Да? И почему же?!»

– Нурры – обитатели подземелий, абсолютно нейтральные к естественным проявлениям магии, – пояснил собиратель, скрещивая руки на набалдашнике

трости.

«Что значит естественные?!»

– Стихийные. Природные. Те, что возникают естественным путем. Человеческие тела, к сожалению, не обладают такими свойствами, поэтому чаще всего отторгают души чужаков. А вот нурры в этом плане отличные реципиенты.

«Может, лучше тело мне нормальное вернешь?!» – раздраженно подумал я.

– Нет, не верну, – покачал головой бесцеремонно считывающий мои мысли Шэд и неопределенно махнул рукой: – Зато вот у них есть чему поучиться.

Я замер: «У кого это у них?!»

Шэд молча кивнул себе под ноги. Туда, где нервно плясали странные черные пятнышки. Маленькие, с детскую ладошку всего. Если бы дело происходило на свету, я бы сравнил их с солнечными зайчиками. Но здесь были, скорее, «теньевые» зайчики. Абсолютно черные, идеально круглые, беспорядочно перемещающиеся вокруг сборщика фиговины, при виде которых по моему телу пробежала невольная дрожь.

– Знакомься, это улишши. Слабые, энергетически неполноценные, не переносящие солнечного света и чрезвычайно хрупкие создания, единственное достоинство которых заключается в том, что они способны принимать любую форму при условии, что у них будет физический контакт с носителем.

Я мысленно крикнул: «Это, интересно, как?»

– Смотри, – усмехнулся Шэд и что-то промурлыкал себе под нос, отчего пятна на полу заметались с сумасшедшей скоростью, а потом начали с такой же устрашающей скоростью расти. Причем не только в ширину, но и в высоту.

Это было похоже на то, как если бы из пола забили вверх маленькие водяные бурунчики. Сперва они вытянулись небольшими столбиками. Затем раздалось в ширину, отрастили по четыре конечности, обзавелись гибкими туловищами, изящными лапами, треугольными головами – и вскоре рядом с собирателем

стояло восемь сотканых из мрака созданий, при виде которых меня посетило смутное сомнение. Все эти хвосты, чешуя, характерные морды с вытянутыми носами и едва угадывающимися на голове ушками – что-то в них было и от змей, и от кошек одновременно.

– Это твои точные копии, – избавил меня от ненужных сомнений Шэд. – В физическом, разумеется, плане. Сейчас они маленькие, потому что их никто не подпитывает, и без помощи извне довольно быстро утратят форму. Но представь, на что они будут способны, когда, вернее, если найдут надежный источник энергии?

«Хм. Ну и каким образом это должно помочь в решении моей проблемы?»

Шэд в ответ на мои мысли только улыбнулся:

– Вы с ними в чем-то похожи. Твое тело почти так же пластично, как у улишшей, поэтому при определенных условиях ты сумеешь его изменить.

«То есть я все-таки смогу стать человеком?!»

– Твой нурр еще очень юн, – не преминул добавить сборщик душ, пока я ловил упавшую челюсть. – Считай, подросток, которого тебе предстоит сперва вырастить, выкормить и обучить. Но, как я уже сказал, две души в одном теле – это серьезная проблема, поэтому процесс может замедлиться или даже остановиться. В этом случае тебе придется или навсегда остаться зверем, или же избавиться от помехи.

Успокоившийся было хвост снова взвился, повторно оплевав неожиданно расхохотавшегося сборщика. Брызнувшие в рассыпную улишши мгновенно обратились в обычные пятна. А я растерянно сел и, глядя, как ловко уворачивается от плевков Шэд, попытался уложить в голове несколько важных фактов.

– Нуррам от природы свойственна высокая приспособляемость, – со смешком добил меня собиратель, продолжая танцевать свой диковатый танец. – Они выносливы. Неприхотливы. Если понадобится, они отрастят густую шерсть, полноценные жабры, вторую голову, пятую лапу и даже ласты. Только на это понадобится время, терпение и, разумеется, энергия. Очень-очень много

энергии, без которой нормальная трансформация невозможна.

«Стоп, – насторожился я. – Так ты точно уверен, что у меня получится стать человеком, или же только предполагаешь?»

– Пока таких исследований никто не проводил, – уклончиво ответил Шэд. – Однако если твое желание стать человеком не угаснет, то рано или поздно тело начнет приспособляться и сделает все, чтобы обеспечить твоё выживание.

«То есть моё желание важнее?»

– Ты сильнее зверя. Поэтому да, Олег. Именно тебе решать, каким ты в итоге станешь.

Клац!

Иглы на кончике хвоста злобно щелкнули, наглядно демонстрируя отношение соседа к происходящему.

«Погоди, – рассеянно подумал я. – Дай ему договорить. Это важно».

– Обманывать тебя нет никакого смысла, – благодарно кивнул сборщик душ, когда хвостяра и впрямь угомонился. – Использованная мной схема для перемещения души получилась довольно сложной, затратной, но и самой перспективной. Так что сейчас ты нурр, а точнее, нурр-шайен – так здесь называют существ с двумя душами.

«А-а... так вот кем меня обозвали “гангстеры”? Интересно, а как они вообще поняли, что я такое?»

– Просто они тебя искали. Вернее, они искали мага, в доме которого ты оказался. В королевстве Архад, где мы с тобой находимся, эксперименты с нуррами запрещены, поэтому душу того человека я уже забрал. Но тебя карателям перехватить не удалось, поэтому я считаю, что вселение прошло успешно. И очень скоро ты, надеюсь, сумеешь мне помочь.

Я мрачно зыркнул на сборщика душ снизу вверх: «Помочь? Чем?!»

– Ты способен меня призвать, – совершенно серьезно ответил Шэд. И прежде чем я успел его спросить снова, его силуэт вдруг померк, а затем бесследно растворился в воздухе.

Твою ж тещу!

Я одним прыжком оказался на том месте, где он только что стоял, обшарил глазами пол и стены сразу в двух спектрах, но там действительно никого не было.

Нет, нет, нет! Стой! Мы еще не все обсудили!

«Шэд! – мысленно крикнул я в надежде, что это просто дурацкая шутка. – Эй, Шэ-э-эд! Ау! Вернись!»

Но то ли я формулу призыва не так проорал, то ли орал не на той волне, поэтому призыватель из меня получился хреновый: Шэд не ответил. И даже знака никакого не подал, что вообще услышал. А вот улишши, которых он с собой привел, так и остались в подвале.

«И что прикажете с вами делать?» – вздохнул я про себя, глядя на растерянно забежавших по полу «зайчиков». Те, словно испугавшись, прильнули к моим лапам и боязливо заползли под когти, несмотря на то что солнце сюда не доставало и погибать им было вроде не от чего.

Приподняв одну лапу, я со смешком проследил, как эта мелкота в панике юркнула под вторую. Потоптался на месте, подумал и улегся на пол. Ночь была долгой, набитое крысами брюхо уже давно тянуло в сон, а после десерта в виде решетки меня откровенно сморило.

«Ладно. Завтра попробую его позвать, – решил я, зевнув во всю свою немаленькую пасть. – Главное, у меня есть надежда. Хвост, ты покарауль пока, ладно? Если что, с меня причитается».

Третье пробуждение в новом мире ознаменовалось подозрительной возней, шумом и смачным чавканьем. Я сперва не понял, что к чему, и чуть было не решил, что это кляксы все-таки добрались до моего сонного тела. Но потом обнаружил валяющуюся поодаль крысу, которую с аппетитом пожирал мой собственный хвост, и с укором на него посмотрел: «Сам жрешь, а обо мне не подумал?»

Впившийся в крысу хвост на мгновение замер, дернулся, как застигнутый врасплох воришка, а потом сконфуженно отодвинулся в сторону, словно говоря: прости, вот твоя доля. Но я только головой покачал: есть пока не хотелось. Вернее, не так. Есть все-таки хотелось, но это был не тот голод, который я мог удовлетворить крысиными внутренностями.

«Хочу железа, – так же неожиданно понял я, прислушавшись к собственным ощущениям. – Хрен его знает зачем, но хочу».

Подвал для поисков пищи подходил плохо, но все же я не поленился его обегать и обнюхать на предмет металлов и других элементов местной химической таблицы, которые могли утолить мой голод. Но довольно быстро констатировал их полное отсутствие и потрусил к решетке, чтобы догрызть те прутья, которые не влезли в меня в прошлый раз. Заодно порадовался, что раненая лапа наконец-то начала нормально слушаться. А когда почувствовал настойчивый зуд и собрался вылизать оставшуюся от когтя ранку, то обнаружил, что оттуда потихоньку начинает расти новый коготь. Причем не простой, а покрытый подозрительным синеватым налетом.

Я озадаченно его лизнул и, обнаружив на языке солоноватый привкус, мысленно присвистнул.

Так вот для чего понадобились неорганические добавки! Похоже, нурры способны использовать для регенерации дополнительные элементы. Так сказать, апгрейдить доставшееся им от природы тело, используя для этого все... действительно все доступные материалы.

Вот вчера, к примеру, я нажрался железа, и теперь у меня коготь растет с железным напылением. Да и чешуя на обожженном боку, как показал беглый осмотр, стала такого же хитрого цвета. А если я добуду титан? Или набреду на

алмазную жилу?

От открывающихся перспектив едва нехватило дух... Но тут тело напомнило о более прозаических вещах, и я неохотно вернулся на грешную землю, одновременно оглядываясь в поисках места, куда можно было бы отложить шлаки, что организм так несвоевременно решил вывести наружу.

Гадить в том месте, где я планировал жить, не хотелось, поэтому пришлось сбросить «подарочек» оставшимся в подземелье кляксам. Там вскоре гулко бумкнуло, звякнуло. Хм. Надеюсь, в будущем при археологических раскопках там не обнаружат залежи железной руды? А то было бы обидно потребить столько металла и так бездарно его использовать.

Пока я размышлял на эту волнующую тему, у меня из-под лап с бешеной скоростью прыснуло в стороны несколько угольно-черных пятен.

Улишши...

Признаться, я успел про них позабыть, поэтому от неожиданности едва не сверзился в дыру вслед за «подарочком». Хорошо еще, хвост подстраховал, благодаря чему я все-таки удержал равновесие. А когда выпрямился, то недоверчиво уставился на суетящуюся мелюзгу, с которой тоже надо было что-то решать.

Были ли улишши разумными в той мере, в какой мы говорим о высокоорганизованных существах, не знаю, но умирать они определенно не хотели. Когда я на пробу пробежался по подвалу, эта мелочь так старательно перебежала от одной лапы к другой, прячась под ними, как жуки под камнем, что мне даже стало их жаль. В то же время они ничем не мешали, ничего, кроме укрытия, не требовали, так что в конце концов я решил, что не буду их трогать, и перестал обращать на них внимание.

В данный момент меня гораздо больше заботило, что, излазив подвал вдоль и поперек, я не обнаружил в нем не только еды, но и ни единого признака, что снаружи есть другие помещения. Ни дверей, ни окон, ни проходов. И это было плохо – если меня снова обуяет голод, то придется возвращаться в подземелья с кляксами.

«У тебя есть идеи? – мрачно осведомился я у задумчиво покачивающегося перед носом хвоста. Тот огорченно поник. – Фигово».

Крутилась, правда, у меня в голове назойливая мысль насчет того, что можно попробовать отвлечь затаившихся внизу тварей. Но других крыс в подвал так и не забрело. Хотя если хоть одна сюда попала, значит, где-то должен быть хотя бы один узкий лаз, который я в принципе могу и расширить.

Однако, внимательно изучив стены вторым зрением, я обнаружил другую интересную вещь: как оказалось, один из камней в кладке выглядел несколько иначе, чем остальные. При беглом осмотре это не бросалось в глаза. Да и издали камень казался совершенно обычным. Зато когда я его обнюхал и даже лизнул, то выяснил, что в его составе присутствовала незнакомая примесь.

Приятная, кстати, примесь. Явно из числа нужных моему организму металлов. Поэтому я вгрызся в несчастный камень зубами, раскрошил его, раздробил и растворил едкими слюнями на фиг. А когда верхний слой сошел с него, как старая краска, внутри обнаружилась глубокая ниша, в которой торчал самый обыкновенный рычаг.

Дернуть за него когтем особого труда не составило. После этого в стене что-то зарокотало, зашумело. Даже, по-моему, забурлило. После чего мне под ноги хлынул целый водопад затхлой воды, а в стене крайне неохотно, с устрашающим скрипом, открылась... нет, не дверь – всего лишь узкая до безобразия щель. Куда я, высунув от возбуждения язык, немедленно втиснулся. А затем радостно взвыл, обнаружив прямой коридор, в конце которого виднелись старые, выщербленные от времени ступени.

Мне стоило немало труда сдержаться и не помчаться туда вприпрыжку, приговаривая про себя, какой же я молодец. Ведь твари, которые в изобилии водились внизу, могли обитать и здесь. Помимо них, в коридоре могли остаться древние ловушки, держащиеся на соплях перекрытия и масса других сомнительных «радостей», от которых можно склеить ласты. Поэтому вперед я двинулся лишь после того, как утихла неуместная эйфория. Осторожно преодолев коридор, сперва потрогал лапой каменную ступеньку, желая удостовериться, что та не рассыплется подо мной от старости. Затем взобрался наверх, остановившись у старой-престарой железной двери. Попросил хвост плюнуть в нее, чтобы проделать отверстие. Настороженно туда заглянул. И только убедившись, что внутри меня никто не ждет, прогрыз дыру побольше, не

только создав себе приемлемый вход, но заодно и подкрепившись.

Комната, в которую мне удалось забраться, оказалась совсем небольшой, идеально круглой и практически пустой. Возле одной из стен когда-то, вероятно, стоял сундук, но теперь на его месте осталась лишь древесная труха, перемешанная с покрытыми ржавчиной железными полосками. А еще там нашлись две петли, скрепленные большим амбарным замком. И то и другое я, разумеется, съел, а вот в трухе добросовестно покопался. После чего выудил с десяток серебряных монет с причудливой чеканкой и один-единственный, неведь зачем распиленный надвое золотой.

Серебро, кстати, пахло заманчиво, а во рту буквально таяло и оказалось сладким, словно добротный швейцарский шоколад. Что же касается золота...

Слизнув с пола половинку монеты, я прислушался к себе и довольно заурчал: вкусно. Решено. Как только представится возможность, буду баловать себя драгоценными металлами. Даже в том случае, если не сподоблюсь, как дракон, отрастить золотую или серебряную чешую.

А вот нашедшийся в одной из стен дверной проем меня ничем не порадовал, кроме железных петель, покрытых густым слоем ржавчины. Самой двери там давно уже не было. А проход, который она когда-то закрывала, оказался завален обрушившимися сверху камнями и фрагментами перекрытий.

Нет, при желании пробиться наверх было можно. И я, разумеется, тут же попытался это сделать. Само собой, вывоzilся в пыли. Расчихался. Устал. Но после получаса мучений проделал-таки узкий лаз на поверхность, неосторожно туда сунулся и, задев когтем один из камней, отшатнулся, когда мне в морду ударил яркий солнечный луч.

Блин! Больно!

Тихо взыв, я кубарем скатился обратно, отчаянно жмурясь, мотая башкой и стараясь избавиться от плавающих в глазах белых пятен. Тьфу. Шэд же предупредил, что нурры – подземные создания, а меня все равно потянуло на приключения.

С трудом проморгавшись, я с ворчанием улегся под дальней стеной, свернувшись калачиком и накрыв многострадальную морду тяжелой лапой. А когда почувствовал, что под пузо снова юркнуло несколько улишшей, даже удивился. Надо же, не отстали. И не сбежали, пока я пробивал дорогу на поверхность. От губительного действия солнечного света их, наверное, спасла моя тень?

Да и фиг с ними. Пусть живут. А я, пожалуй, подремлю в ожидании ночи.

* * *

В следующий раз проснулся уже сам. Просто потому, что успел отдохнуть, а теперь здоровое тело требовало действий. В прошлой жизни меня так торкало только во времена занятий легкой атлетикой, когда на фоне регулярных нагрузок их неожиданное исчезновение вызывало легкую форму абстиненции, а та, в свою очередь, мешала жить.

Поднявшись с пола и убедившись, что улишши все еще трутся поблизости, я потянулся. Сбегал обрадовать клякс еще одним «подарочком», затем сжевал пару серебряных монет и только после этого полез проверять, какое время суток царит на поверхности.

Как оказалось, на Архад и впрямь спустилась ночь. Причем темная, глухая, будто я не в городе оказался, а посреди дремучего леса. Воздух был на удивление теплым, почти горячим, а вот с освещением дело обстояло скверно – ни уличных фонарей, ни иных способов улучшить видимость поблизости не обнаружилось. Но для меня так было даже удобнее – привычные к подземельям глаза нурра прекрасно меня выручили и позволили быстро сориентироваться.

Как и предполагалось, я находился посреди развалин старой-престарой башни, разрушенной невесть когда и кем практически до основания. Но что самое замечательное, меня здесь никто не ждал. Обжигающих белых столбов в небе больше не было. Никем живым поблизости тоже не пахло. И даже собаки в подворотнях не гавкали, настолько тут было пустынно.

Осторожно выбравшись из узкого лаза, я еще раз огляделся.

Темное небо. Россыпь незнакомых звезд. Одна-единственная, зловеще алая луна, в свете которой окрашенный тенями мир выглядел жутковато. Торчащий посреди сонного города остов старой башни. Пустынная площадь вокруг него. И четыре убегающих прочь улицы со множеством приземистых домиков, в окнах которых не виднелось ни единого лучика света.

Воздух при этом был не только теплым, но и сухим. Однако после смрада подземелий показался мне божественным. Правда, наслаждаться было некогда – следовало разведать обстановку и понять, в какой же именно мир меня угораздило попасть.

Начать я решил, как и раньше, с крыш, благо способ туда забраться был уже известен. Только на этот раз мы с хвостом договорились, что следов на стене он постарается не оставлять и по возможности чужое имущество портить не станет. Мало будет радости, если по этим отметинам нас кто-нибудь вычислит.

Уже оказавшись наверху, я настороженно огляделся.

М-да-а. Уровень жизни на Ирнелле застрял где-то во временах Средневековья. Узкие улочки, грязные дороги, грубо сколоченные заборы и примитивные строения, в которых самым ценным, на мой взгляд, была именно крыша. Материал, который местные жители использовали в качестве покрытия, оказался в действительности не резиновым, а сделанным из гораздо более прочного материала. Более того, ни листья, ни пыль на нем не задерживались. Однако в то же время и лапы не скользили. А во время бега поверхность едва заметно пружинила и успешно гасила звуки, так что можно было не опасаться, что горожан поднимет с постелей бряцанье моих когтей.

Еще я подумал, что в таком бедном районе ночная жизнь будет достаточно активной и кто-то из местных может использовать тот же способ передвижения, что и я. Поэтому первое время замирал при каждом подозрительном шорохе, припадал на брюхо и продолжал путь, только убедившись, что крыши домов по-прежнему пусты.

Отсутствие промышленных труб над городом бросилось в глаза практически сразу. Зато вместо них была масса печных. И как следствие – множество столбов дыма, коптящих здешнее небо. Топили даже не углем – обычной древесиной. Так что каких-то серьезных достижений от местной цивилизации ждать не

приходилось.

Несколько раз на улицах мелькали люди, и тогда я тоже останавливался, присматриваясь к местному населению. Но люди оказались как люди. В том смысле, что третьей ноги или второй головы ни у кого из них не имелось. Из тех, кто попался на глаза, большинство напоминали типичных европейцев. Один был похож на выходца из южных стран. А насчет еще одного я не понял – мужик закрыл морду платком и шел, низко опустив голову.

Но вот что точно обращало на себя внимание, это то, что все они были весьма просто одеты. Кожаные штаны на завязках, грубо выделанные рубахи с тесемками на рукавах и у ворота, кожаные жилетки, сверху – короткие куртки из грубого полотна, а на головах обязательно шляпы... одним словом, не Москва.

Женщин я по пути не встретил, поэтому на их счет ничего пока сказать не мог. Детей не увидел тем более, но для столь позднего времени суток это было естественно. Зато, так сказать, познакомился с местными лошадьми – пару раз по улицам с грохотом проносились всадники. Правда, отличий от земных коняг я у здешних копытных не заметил. Разве что гривы им стригли до крайности коротко, а хвостами, наоборот, никто не занимался.

Растительность... честно говоря, даже не знаю, что можно сказать на ее счет. Деревья. Кусты. Ключьями лезущая вдоль домов трава. По виду – не наша, не земная. Слишком сочная, слишком высокая. Да и лопухи во дворах росли так бурно, как бывает только на юге.

Может, это местный Крым? По погоде и буйному росту зелени чем-то похоже. Даже вон на ветках какая-то мелочь стрекочет. Не птицы. Сверчки? Цикады? Не знаю, не видел, но, наверное, типа того.

В очередной раз заслышав внизу звуки шагов, которым вторили пьяные голоса и звон бьющихся бутылок, я понимающе усмехнулся.

Ну да. Люди действительно те же. Так же живут, едят, пьют, порой даже нажираются до поросычьего визга. Зато можно порадоваться, что до самогонных аппаратов тут уже додумались. А то, может, и до коньяков с шампанским скоро дорастут.

Кстати, о птичках...

Я не успел спросить Шэда, водятся ли тут какие-то другие расы, помимо человеческой. А то в книжках всякое пишут. Чем черт не шутит? Может, я когда-нибудь живого гнома увижу? Или оборотня?

– Не увидишь, – вдруг хмыкнул за спиной знакомый голос, и я как ужаленный обернулся. – Единственной разумной расой на Ирнелле являются люди. Но возможно, когда-нибудь они придумают что-то новое.

Шэд!

– Извини, – развел руками брюнет. – Я же говорил, что времени на разговоры немного. Хочешь еще о чем-нибудь спросить?

Да! Блин... в голове крутилось так много вопросов, что выбрать какой-то один оказалось до безобразия сложно.

«Как тебя позвать?» – с трудом выделил я самый главный.

– Не позвать, а призвать, – со смешком поправил меня собиратель. – Это уж сам соображай, что может привлечь сборщика душ. Еще вопросы?

«Сколько времени понадобится, чтобы мое тело начало меняться?»

– Не знаю. Я же сказал – исследований никто не проводил.

«Может, стоит поторопить его с изменениями?»

– Хороший вопрос, – к моему удивлению, кивнул собиратель. – Понимаю твое нетерпение, но в данном случае я не стал бы форсировать события. Если детей раньше времени пытаться сделать взрослыми, обычно из этого не получается ничего хорошего. Поэтому наберись терпения. Дай нурру время привыкнуть.

«А он действительно может?..»

– В теории. Когда-нибудь. Но вы оба до этого должны дорасти.

«Почему я тебя понимаю? – сменил я тему, вспомнив еще один немаловажный вопрос. – Откуда ты знаешь русский? Да еще в таком совершенстве?»

– Я не знаю русского, – сумел удивить меня Шэд. – Но его знаешь ты. Я всего лишь читаю твою душу и отвечаю так, чтобы ты мог меня понять.

«А местному языку ты не можешь меня научить?» – затаил дыхание я, но брюнет лишь насмешливо хмыкнул.

– Я не учитель, Олег. Не нянька. Не отец. Не друг. Не воспитатель. Соответственно, не собираюсь тебя ни оберегать, ни спасать, ни следить за тем, чтобы ты себе чешуйки на хвосте не прищемил. Все, что я могу, это слегка тебя направить. Но для этого ты должен научиться задавать правильные вопросы.

М-да. Вот это называется ткнул мордой в стол. А я-то уж размечтался...

Хотя, с другой стороны, мне ведь обещали отсутствие ограничений. Получается, вот это оно и есть? Самостоятельность. Самодостаточность. С-свобода, мать ее так. Мол, делай что хочешь, учись как знаешь, выкарабкивайся как умеешь. Очень круто. Просто вся моя прежняя жизнь в одном абзаце.

– Мне жаль, – совсем другим тоном уронил Шэд, когда я с досадой отвернулся.

«Конечно, жаль. Хотя, собственно, с чего бы? Ведь ты мне, как только что правильно заметил, никто. Не учитель и не нянька. Даже не друг. Но если все так, то что я тут делаю? И что я вообще такое?!»

– Изоморф, – еще тише сказал сборщик душ, заставив меня вздрогнуть. – Ты – изоморф. Пожалуй, на данный момент это самое верное определение.

Изо... кто?!

Как я вообще должен это понимать?!

– Мне пора, – едва слышно прошелестел Шэд, и следом за этим над городом пронесся порыв холодного ветра. А когда я негодуяще вскинул голову, на крыше снова никого не было.

Глава 4

В ту ночь я больше ничего исследовать не стал. Присмотревшись к дому, по всем признакам похожий на трактир, пробрался во двор. Плюнув в подвальное окно, залез внутрь и (с расстройства, наверное?) перекусил тем, что нашел на полках. Даже стянул с крюка висевший под потолком жирный окорок. Немного подумав, вскоре сожрал и сам крюк. Чуть позже схомлячил нашедшиеся в углу жестянки, включая старую лопату и пустое ведро. Наконец с трудом выволок наружу большущий шмат сала и тем же путем вернулся в башню, при этом запоздало подумав, что надо присмотреть побольше мест, куда можно наведываться за пропитанием.

Сказать, что моя совесть никак не отреагировала на учиненный разбой, было бы преувеличением. Я всегда старался сам себя обеспечивать. Учился, работал, зарабатывал. И даже в самые сложные годы что-то не давало просто так взять и начать вымогать у прохожих деньги или гаджеты. Некоторые назовут это честью. Я же предпочитал называть порядочностью. Но сейчас другого выхода не было. Не охотиться же мне на людей? И не заявляться в лавку посреди бела дня с зажатой в лапе монетой? Хотя... можно ведь оставить ее взамен того, что я забрал?

Я думал об этом всю дорогу, пока добирался до логова. Но к сожалению, местных цен я не знал. Разбрасываться серебром не хотел. Да и сколько у меня осталось того серебра? А что я буду делать, когда оно закончится?

Самое же скверное заключалось в том, что иррациональное чувство голода преследовало меня постоянно, и заглушить его обычная пища не могла. Дверь в подвал я за несколько последующих дней благополучно доел, обглодав даже те места, где крепились дверные петли. Остатки сундука пустил на закуску. Какое-то время после этого терпел в надежде привыкнуть или обойтись без экстремальных мер, но вскоре понял, что диета не поможет. Моему организму требовалось куда больше, чем я мог найти, просто шатаюсь по городу, подбирая

оброненную кем-то еду или роясь на помойках. Поэтому, подъев все запасы, я рассудил, что лучше стану вором, чем бомжом, и в одну из ночей отправился на поиски кузнечных, скобяных и оружейных лавок. Причем вскоре действительно их нашел. Но поскольку все они были небольшими, да и изобилием товаров не отличались, то воровать оттуда железки на регулярной основе было опасно.

А железки требовались постоянно. Причем чем разнообразнее, тем лучше. Сырая руда, уже очищенный металл, сплавы – мой организм потреблял все, при этом еще имея наглость выбирать что повкуснее. Местная медь ему, понимаете ли, горчила. Олово было кислым. Латунь – слишком острой. Алюминия я не нашел. А из стали больше всего приглянулась высокоуглеродистая.

Признаться, для меня было удивительно обнаружить отличного качества заготовки для оружия, ведь при таком уровне цивилизации качественно очистить сырье, а потом сделать полноценный сплав было проблематично. Но потом я вспомнил про магию и решил, что, возможно, тут-то собака и порылась. Хотя было непонятно, были магами собственно кузнецы или же им помогал кто-то еще.

Мне вообще в этом мире много чего было непонятно, но пока я всего лишь присматривался. Принюхивался. Постоянно пробовал новое, при этом стараясь забирать лишь испорченное сырье, сломанные и не подлежащие ремонту вещи, которым грозила переплавка. Одним словом, брал то, чего не сразу хватятся. А когда наткнулся на огромный порт и прилегающие к нему доки, когда вынюхал, где находятся продовольственные склады, вот тогда и настало для меня раздолье, потому что когда в одном месте скапливается слишком много товаров, то воровать их становится проще в разы. Особенно если залезать внутрь аккуратно, через крышу, предварительно надорвав кусок «резинового» покрытия, скатав его в рулон наподобие рубероида, а перед уходом снова вернув на место, прикрывая дыру.

Еще я разнообразил меню содержимым корабельных трюмов, когда удавалось туда пробраться. Хотел попробовать рыбачить, но отказался от этой мысли, заметив, как рабочие в порту частенько мочатся прямо в реку, не заморачиваясь поисками сортира.

Месяца за два регулярных вылазок я постепенно изучил близлежащие районы, ограничившись территорией, которую можно обежать за одну ночь. Увидел на улицах поразительно мало нищих, хотя, казалось бы, в бедных кварталах их

должно быть пруд пруди. Еще меньше встретил бродячих собак – некрупных, худых до неприличия и исключительно короткошерстных. А вот кошек не увидел совсем. Ни на улицах, ни в домах. Зато, пользуясь отсутствием ставней в домах, познакомился с местным бытом и заодно убедился, что он действительно находится на удручающе низком уровне. Ни тебе полноценного водопровода, ни нормального освещения в домах, ни теплых санузлов. Нет, в домах побогаче наверняка имелось все это и даже больше, ведь канализацию под городом не просто так построили. Однако для подавляющего большинства жителей блага цивилизации оставались недоступными, и это, мягко говоря, огорчало.

Город, кстати, оказался огромным. Одни только припортовые трущобы, которые я исследовал в числе первых, занимали пространство, равное суммарной площади двух стадионов. И неудивительно: в городской порт ежедневно прибывало по несколько десятков судов различного водоизмещения. Нет, гордых фрегатов, фантастической красоты парусников и роскошных яхт я среди них не увидел, а вот пузатые, тяжело груженные торговые ладьи оказывались в поле моего зрения регулярно.

В благополучные районы я пока не совался. Не потому, что не хотел. Напротив, мне было очень любопытно посмотреть, как живут местные буржуины. Но от вылазок в фешенебельные кварталы отпугивало обилие стражи в той части города, наличие регулярных патрулей, от которых было негде спрятаться, и яркое уличное освещение, к которому мои глаза упорно не хотели привыкать.

Что удивительно, погода все это время стояла по-летнему теплая и сухая. Для меня она оказалась вполне комфортной, и на глазок я бы сказал, что температура по ночам достигала градусов двадцати пяти. Днем, наверное, повыше. Но этого я не проверял – в моем подземном логове даже в полдень было прохладно и сухо, а на свет я вылезать не рисковал. Однако если учесть, что и крысы, и бродячие псы не имели густой шерсти, если вспомнить про сочную зелень вокруг, то скорее всего суровой зимы в этих краях можно было не ждать. Если, конечно, она вообще случалась.

Вестей от Шэда пока не поступало. После последнего разговора сборщик душ больше не изъявлял желания меня увидеть, поэтому я выживал в одиночку. Но как я ни представлял, что вот-вот вместо лап у меня появятся руки, а вместо зубастой морды – нормальное лицо, с моей внешностью ничего существенного не происходило. Кроме того, что я немного подрос, привык к новому телу и окончательно сроднился с хвостом, который стал мне не только надежным

другом, но и незаменимым помощником.

Еще я сдружился с брошенными Шэдом улишшами. Успел привыкнуть к тому, что они повсюду следуют за мной, словно рыбы-прилипалы в ожидании трапезы. И думается, в какой-то степени это предположение было верным, потому что за прошедшее время мои маленькие спутники тоже подросли. Видимо, все же от меня подпитывались. К тому же они стали проявлять больше самостоятельности. Нередко осмеливались отходить на приличное расстояние. Проявляли зачатки любопытства. Были не прочь подурачиться и поиграть. А потом даже начали оказывать посильную помощь.

Правда, выяснилось это случайно.

Как-то днем я не мог уснуть и от скуки гонял по полу последнюю оставшуюся серебряную монету. Остальные, как я ни старался растягивать удовольствие, все-таки закончились, а эту мне отчего-то захотелось сберечь. И вот когда чувство голода обострилось настолько, что зубы сами потянулись к добыче, а врожденная бережливость отчаянно этому воспротивилась, я с досадой отшвырнул монету прочь и несказанно удивился, когда следом за ней метнулся один из улишшей.

До этого дня я не подозревал, что мои маленькие спутники способны контактировать с материальными предметами. Раньше они эту способность не демонстрировали. Но сегодня малыш не только впервые за несколько месяцев изобразил «бурунчик», но и нашел монету, взгромоздил ее себе на спину, после чего заботливо вернул и положил у меня перед носом.

Я, правда, был голоден, а следовательно, раздражен, поэтому отбросил монету снова. Причем с такой силой, что та улетела на лестницу и благополучно укатилась вниз. В стайке улишшей после этого случилось непонятное замешательство. Они засуетились, занервничали и вдруг пропали. Все одновременно. А примерно через час вернулись и один за другим положили к моим лапам по точно такой же монете.

При виде восьми одинаковых серебряных кругляшей я так озадачился, что какое-то время мог просто смотреть то на них, то на мелюзгу. Страшно хотелось понять, спросить, откуда они нарыли сокровища и нет ли поблизости незамеченного мною клада. Но голосовые связки нурров не были приспособлены

к разговорам. Жестов малышня не понимала. Поэтому все, на что я оказался способен, это благодарно лизнуть принявших первоначальный облик малышей и, протянув лапу, сгрести их в кучу, чтобы укрыть в той самой тени, которую они любили.

Сразу есть серебро я тоже не стал, удовольствовавшись одной жалкой монеткой. Но и ее хватило, чтобы чувство голода попритихло и я смог ненадолго заснуть. А когда проснулся, то сперва даже не понял, что произошло, раз окружающая действительность так резко изменилась. Потом решил, что это галлюцинация и в реальности такого попросту не могло быть. Нет, само логово осталось на месте. Потолок, стены, пустой проем на месте съеденной мною двери, наполовину заваленный камнями выход на поверхность – все это выглядело нормальным. А вот устилающие пол ровным слоем серебряные монеты – нет.

Что за фигня? Я брежу? Это глюки? Может, пока я спал, сюда проникли ядовитые миазмы из подземелий и теперь я вижу то, чего нет?

На пробу слизнув и разжевав первую попавшуюся монету, я растерялся окончательно: нет, не брежу. А если и появились у меня глюки, то одновременно и зрительные, и обонятельные, и вкусовые, и даже слуховые, поскольку выроненная из пасти монета со звоном брякнулась на целую кучу таких же и покатила вниз, заставив меня изумленно привстать.

В этот же самый момент из-под денежных залежей выросло восемь черных «бурунчиков», на спинах которых лежали еще монеты. Прямо у меня на глазах малышня сбросила добычу на пол, деловито отряхнулась. И вот когда я сопоставил одно с другим, до меня, как говорится, дошло.

«Охренеть не встать! – восторженно прошептал я про себя, оглядывая преобразившееся логово. – Это же... е-мое! Хвост, ты это видел?!»

Выбравшийся из-за спины сосед задумчиво повертел шишаком по сторонам. А потом с довольным видом плюхнулся на пол, зарылся в кучу монет и почти сразу оттуда послышалось довольное чавканье.

«Ну, ребята, – с чувством подумал я, по очереди ткнувшись носом в радостно запрыгавшие “бурунчики”. – Я вам теперь по гроб жизни обязан. Кстати...»

Пришедшая в мою голову новая мысль была проста как дважды два, хотя хвост был недоволен, когда я оторвал его от еды и принялся азартно рыться в поисках одной штуки. Минут через десять я ее все-таки нашел. После чего аккуратно взял в зубы. Вернулся к терпеливо ожидающей малышне и с надеждой положил перед ними половинку от своего единственного, бережно хранимого золотого.

«А вот такую штукенцию сможете добыть?»

Улиши, обступив золото со всех сторон, покрутились, пошуршали и без предупреждения исчезли. Просто ушли в пол, будто привидения, оставив меня нервно приплясывать на месте. Но минут через сорок они благополучно вернулись и, к моей неописуемой радости, притащили с собой кто по одному, а кто сразу по два новехоньких, ярко блестящих золотых.

«Вы ж моя прелесть! – проурчал я, с умилением глядя на маленьких помощников. – Сколько от вас, оказывается, пользы! И я даже спрашивать не буду, кого вы сегодня разорили!»

Так.

«Интересно, а железный слиток вы мне притараните? Или хотя бы кусок руды. Где-то тут, по-моему, еще осталось несколько крошек...»

Улиши, получив новое задание, испарились в третий раз. А еще через пару часов я познал пресловутые и дзен, и самадхи, и нирвану одновременно. У меня случилось откровение. Культурный шок. Ведь теперь в моем распоряжении появился личный убер-отряд, способный по первому зову доставить практически все, чего душа пожелает. Все, что для этого требовалось, – это найти подходящий образец: камень там, железку, деньгу с подходящими характеристиками, а малышня без проблем добудет остальное!

Не знаю, правда, почему они раньше ничего подобного не делали, но, возможно, дело заключалось в том, что улиши были еще маленькими. И лишь когда немного окрепли, стали способны на такие невероятные вещи.

«Отлично, – довольно оскалился я и, распахнув объятия, сгреб малышню, для которой, наверное, стал чем-то вроде большой и теплой мамки. – Идите ко мне, мои хор-рошие. Никому вас не отдам. Ни за что. Даже Шэду».

* * *

Еще одно открытие мне довелось сделать всего через пару недель.

Той ночью я сидел на крыше одного из домов, следя за троицей мужиков, собравшихся у входа в очередной трактир. Ну, правильнее сказать, мне показалось, что это был трактир. Туда частенько приходили и уходили весьма неплохо одетые для данного района люди. Порой приезжали верховые. Туда-сюда сновали проворные мальчишки в аккуратно повязанных передниках а-ля средневековый официант. При этом никакой вывески на здании не было. Сам дом располагался довольно далеко от порта и оживленных улиц, а также от других питейных заведений, оккупируемых моряками и людьми попроще. Снаружи двор был обнесен крепким забором. А у ворот постоянно дежурило несколько амбалов.

Так вот, наблюдал я за ними уже не первый день. Прислушивался к чужой речи. Пытался идентифицировать слова, соотнести их с жестами, выражениями лиц аборигенов и прочими вещами, по которым можно было понять, о чем речь. К тому времени я успел запомнить, как звучат на местном наречии наиболее часто употребляемые слова, в том числе «бутылка», «рука», «лошадь», «баба» и «нож». Наслушался всевозможных ругательств, к сожалению, без расшифровки. Кое-что начал соображать в происходящем. И даже частенько поминаемую «бабу» идентифицировал – ею была скромно одетая, худая как палка и неизменно растрепанная женщина лет тридцати, регулярно выносившая из дома помойное ведро.

Трактир, кстати, пользовался популярностью. Но далеко не всякого гостя амбалы пропускали внутрь. Оказывается, присутствовал некий дресс-код, под который подвыпившие моряки, случайные прохожие и обычные забулдыги не попадали. Но что самое интересное, максимальная активность здесь начиналась ближе к полуночи. Так что, исходя из этого и некоторых других признаков, я сделал вывод, что собирались тут неблагонадежные граждане, которые были не только неплохо одеты, но и хорошо вооружены.

В тот вечер я как раз собирался познакомиться с ними поближе. А за одним из клиентов даже надумал проследить, однако мои планы были нарушены появлением неожиданного гостя.

То, что кто-то идет к воротам, я, естественно, видел, но, к сожалению, сумеречное зрение давало лишь общие характеристики объекта вроде роста и телосложения. Поэтому как следует гостя я рассмотрел лишь после того, как он вплотную приблизился к воротам. И только тогда увидел татуированную морду, распахнутое кожаное пальто, а под ним – матово поблескивающие, похожие на драконью чешую пластинки нагрудника.

Каратель...

Так вроде обзывал этих уродов Шэд?

Все это время я жил достаточно спокойно и почти о них не вспоминал. После первой облавы меня никто не тревожил, обыски в канализации и в окрестностях логова ни разу не проводились. По крайней мере, я не видел следов подозрительной активности, пока исследовал прилегающие территории. Такое впечатление, что обо мне забыли. И это было непонятно. Более того, приятно. Так что спустя несколько месяцев я успокоился.

А теперь выходит зря?

«Тише, тише, – проворчал я, когда взвившийся над головой хвост аж затрепетал от желания поскорее вонзиться чужаку в горло. – Нам ни к чему привлекать к себе внимание».

Хвост недовольно плюхнулся мне на плечо, и я искренне порадовался, что с такого расстояния до трактира ему при всем желании было не доплюнуть.

Каратель тем временем зашел во двор. Проигнорировав резко напрягшихся амбалов, огляделся. Зачем-то бросил взгляд на покатую крышу. Ненадолго зашел в дом. После чего так же молча вышел и, поддернув полу длинного пальто, направился к выходу, так никому и ничего не объяснив.

Я, разумеется, последовал за ним, стараясь ни на миг не выпускать мужика из виду. Крался поверху, бесшумно перепрыгивая с одной крыши на другую и недоумевая, на кой черт каратель нацепил на себя это дурацкое, откровенно мешающееся и наверняка тяжелое пальто. На улице было тепло. Даже слишком тепло для такой формы одежды. А у него еще и штаны были кожаными. И сапоги с высокими голенищами. Что за маскарад? К нему для полного комплекта не хватало только длиннущего, мешающегося при ходьбе меча или шпаги. Но вместо них на поясе у мужика имелись только короткие парные ножны для ножей. Ну и «бластер», при виде которого у меня аж зубы свело от злости.

Но что самое странное, этого товарища зачем-то потянуло прогуляться в трущобы. И я преследовал его до тех пор, пока нормальные дома не закончились, а вместо них по обе стороны улицы не потянулись замызганного вида халупы.

Любимого мной мягкого пружинящего материала на их крышах не было, поэтому, чуть поотстав, я спрыгнул на землю и продолжил преследование, стараясь держаться вблизи стен. Как я уже говорил, центрального освещения в этой части города не имелось, а лучины и лампы бедняки старались лишней раз не зажигать. Мне это было только на руку. А вот тот факт, что и каратель прекрасно ориентировался в темноте, несколько напрягал.

Самое же непонятное произошло, когда мужик прямо на ходу поднял правую руку и как-то по-особому крутанул кистью. При этом кожаный рукав задрался, показав краешек туго обхватывающего запястье металлического браслета с полукруглыми «шишками» на нем. А мгновением позже из одной такой «шишки» параллельно земле ударил ярко-синий луч, который всего через миг развернулся в полупрозрачный квадрат размерами примерно шесть на шесть метров и с приличной скоростью ринулся прочь, как утюгом пройдясь по пустынной улице.

Мне понадобилось целых три секунды, чтобы осознать несколько любопытных вещей.

Во-первых, квадрат передвигался в одном направлении – вперед, никуда не сворачивая. По отношению к дороге он находился строго вертикально. К карателю – анфас, а к домам, соответственно, в профиль.

Во-вторых, сквозь материальные предметы вроде стен, валяющегося там и сям мусора и даже сквозь одинокого прохожего эта полупрозрачная фишня прошла так, будто их не было. Этакая средневековая голограмма с мелкоячеистой структурой, подозрительно похожая на виртуальную сеть.

В-третьих, видел я эту штуку исключительно сумеречным зрением. И с учетом того, насколько она была похожа на алые нити в моем подвале и резко выбивалась из серо-зеленой гаммы всего остального мира, стало понятно, что и то и другое с высокой степенью вероятности являлось теми самими проявлениями магии, о которой говорил Шэд.

При этом, судя по тому, как внимательно смотрел по сторонам мужик, можно было предположить, что он что-то искал. И «сеть» ему в этом каким-то образом помогала. Но тогда, получается, он и ее видел? То есть сумеречное зрение доступно не мне одному?

Так. А это еще что такое?

«Сеть» неожиданно застопорилась возле одной из халуп и, засветившись гораздо ярче обычного, неожиданно схлопнулась, тесно облепив невесть откуда взявшееся препятствие. Халупа, к слову, оказалась нежилой – выбитые окна, отсутствующие крыша и дверь наглядно это подтверждали. Однако именно там сумеречное зрение подсветило бесформенный комок невесть откуда взявшейся в углу кляксы. И именно вокруг нее сгустилось сияние от «сети».

Видимо, я все-таки ошибся, предположив, что твари не выбирают на поверхность. Выбираются. Только, наверное, не всегда, а, скажем, в случаях, если популяция крыс в подземелье сокращалась до неприличных значений. Вот и эта вылезла. К счастью, одна, без подружек. И затаилась в полуразвалившейся сараюхе в надежде, что найдет чем поживиться.

Кляксе не повезло – рядом оказался каратель. Более того, «сеть» безошибочно отыскала голодную мерзость и ловко ее спеленала. И вот когда стало ясно, что синяя и зеленая метки совпали, я сообразил, что «сеть» – это не что иное, как поисковое заклинание, с помощью которого каратель мог видеть подобные кляксам сущности. И мужик немедленно это подтвердил, безошибочно направившись к нужному дому и прямо на ходу вынимая из кожаной петли на поясе «бластер».

Меня настолько заинтересовал процесс, что я даже рискнул подобраться поближе и высунул нос из-за угла, рассматривая штуку, которая едва не сделала меня инвалидом. Оружие карателя представляло собой короткую серебристую трубку сантиметра четыре в диаметре и примерно с полторы моих ладони в длину. На одном конце у нее имелось утолщение, которое вполне естественно легло в ладонь мужика. Затем до моего слуха донесся тихий щелчок. После чего с другого конца трубки тонким лучом выстрелила все та же белая хрень, которая с легкостью прошла сквозь дощатую стену и самым распрекрасным образом поджарила затаившуюся в углу кляксу!

Глядя на то, как извивается и бешено дергает щупальцами странная тварь, я как-то слишком уж живо представил, как она должна сейчас орать от боли, и почувствовал мерзкий холодок между лопатками.

Клякса тем временем обмякла и перестала трепыхаться. Бледно-зеленые прожилки в ее теле угасли. А когда это произошло, каратель выключил трубку, убрал ее обратно в петлю, после чего оглядел притихшую улицу, точнее, ту ее часть, откуда только что пришел, и, подняв правую руку, вновь активировал браслет.

Твою ж тещу!

При виде несущейся прямо на меня «сети» у меня аж живот свело от мысли, что вот сейчас все и закончится. Белая дрянь была опасна. От нее не только кляксы подышали – мое тело, как выяснилось, тоже было к ней восприимчиво. Поэтому первым моим порывом было вскочить и со всех лап драпать отсюда, благо поисковое заклинание двигалось хоть и быстро, но не настолько, чтобы я не успел увернуться. Однако узкий проулок между двумя дряхлыми сараюшками, откуда я следил за карателем, заканчивался тупиком. Выскакивать на середину улицы, демонстрируя себя во всей красе, было глупо, а при попытке вскарабкаться на крышу и уйти по верху мужик точно меня заметил бы.

Поэтому я доверился инстинктам и вжался в землю, перестав не только двигаться, но и дышать. Неизменно сопровождающие меня улишши юркнули куда-то под пузо. И время ненадолго застыло.

Секунда...

Другая...

Третья...

Прикосновение заклинания оказалось похоже на щекотку, словно по спине и бокам прошлись гусиным перышком. Затем по чешуе пробежал такой же легкий холодок. Кожа мгновенно зазудела. Зубы зачесались. И в довершение всего, мне отчаянно захотелось чихнуть. Пришлось зажать нос обеими лапами, зажмуриться и с силой прикусить губу в надежде, что это поможет. И оно действительно помогло – чихать вскоре расхотелось. Но глаза я осмелился открыть лишь после того, как услышал медленно удаляющиеся шаги и понял, что поисковое заклинание облажалось.

Осторожно высунувшись из проулка и убедившись, что каратель действительно уходит, я перевел дух и решил больше судьбу не испытывать. Информация по-прежнему была нужна до зарезу, но не ценой собственной шкуры. Поэтому я дождался, пока мужик скроется из виду, только после этого выбрался наружу и рискнул посмотреть, во что же он превратил бедную кляксу.

Тварь и впрямь оказалась мертва – в доступном мне диапазоне она стала похожа на нещадно поеденную, жутковато обгоревшую подошву от ботинка. Однако когда я попытался коснуться ее лапой, то оказалось, что на том месте, где я совершенно четко видел обугленный трупик, в реальном мире ничего не определялось.

Я не шучу – угол оказался совершенно пуст, и моя лапа раз за разом проскакивала мимо тела. Тварь я при этом по-прежнему видел, совершенно точно знал, что она там есть, но ее оказалось невозможно ни поднять, ни подтащить поближе. Как если бы клякса на самом деле была нематериальной и вместо обычного трупа передо мной находился всего лишь призрак.

Это открытие настолько меня озадачило, что я даже когти в ход пустил, пытаюсь добраться до дохлой твари. Повредил доски, на которых она лежала, разрыл землю, испортил стену, но так ничего и не добился.

Быть может, на этом все и закончилось бы, но в тот момент, когда я с досадой рыкнул, растревоженные моим поведением улишки буквально нырнули под подушечки моих лап и что-то сделали. Не знаю, что именно. Прилипли к ним.

Присосались. Пришкварились. После этого я почувствовал, как куда-то проваливаюсь. Недоуменно уставился на собственные лапы, которые будто влипли в смолу. Хотел было дернуться, отпрыгнуть, но вместо этого действительно провалился. В ту самую серо-зеленую хмарь, которую раньше мог только видеть.

Глава 5

Ощущения после переноса остались более чем странные. Я был жив, неплохо себя чувствовал. Насколько мог видеть, никак не изменился внешне. И был вынужден признать, что в новой обстановке смотрюсь намного уместнее, чем раньше.

Что же касается окружающей действительности, то город остался все тем же, только приглушил краски и сменил цветовую гамму с обычной на серо-зеленую. Однако детали я по-прежнему хорошо различал, как если бы второе зрение теперь работало на постоянной основе и лишилось ограничений по расстоянию. К примеру, видел, что нахожусь в том же месте, посреди все той же жалкой лачуги, которая почему-то стала полупрозрачной и какой-то... ненастоящей, что ли? Если не сказать, что призрачной. Все запахи и звуки внезапно исчезли. Зато застывшая в углу клякса смотрелась гораздо реалистичнее, чем мгновение назад.

Потрогав ее лапой и увидев, как сдохшая мерзость безжизненно перекадилась по полу, я прошелся по халупе, ткнулся носом в дощатую стену и задумчиво отпрянул. М-да. Доски подо мной и впрямь стали нематериальными: мой нос прошел сквозь них без труда. Пол тоже пропал – мои лапы теперь утопали в нем, как в тумане, и упирались уже не в доски, а в землю под ними.

Чудеса.

Я озадаченно кашлянул и едва не подпрыгнул, услышав позади насмешливое:

– Ну наконец-то. Я уж думал, тебе опять придется подсказывать.

Стремительно обернувшись, я с подозрением воззрился на невесть откуда взявшегося Шэда.

– Это – изнанка, – как и прежде, считал мои мысли Шэд и демонстративным жестом обвел окруживший нас серо-зеленый, почти как в «Матрице», мир. Только пиктограмм, пожалуй, не хватало. – Это не самостоятельное образование. А всего лишь та часть реальности, которая не видна простым взором. Термин «подкладка» тебе о чем-нибудь говорит?

Я пренебрежительно фыркнул.

– Ну вот считай, что здесь то же самое: дома, дороги, камни на обочине... за исключением того, что живых в полном понимании слова ты здесь не встретишь, – невозмутимо кивнул собиратель и, выудив из воздуха подозрительно знакомую трость, демонстративно на нее оперся. – И вообще никакой органики не найдешь, потому что в этом мире она не приживается.

Кстати, сам он выглядел так же, как и раньше: тщательно отутюженные брюки, дорогой камзол, белоснежные кружавчики на манжетах... На контрасте с уныло-болотной действительностью смотрелось это, мягко говоря, странновато. Но особенно настораживал тот факт, что стопы собирателя абсолютно спокойно стояли на призрачном полу, тогда как для меня он оставался нематериальным.

– Так вот, изнанка, – как ни в чем не бывало продолжил Шэд, видя, что я не тороплюсь задавать вопросы. – Она действительно чем-то напоминает подкладку на пальто. Под нее можно забраться, если знать как и уметь это делать. Из нее можно так же незаметно выбраться на поверхность. Ее можно смять в кулаке. Порвать. Отпороть или, наоборот, крепко пришить. Но в общем и целом это свой маленький мир со своими законами. Ты меня слушаешь?

Я неохотно оторвался от изучения досок у него под ногами и кивнул: «Про изнанку понятно. Но раньше я ее только видел. А теперь мы стоим тут и спокойно разговариваем. Как это стало возможным?»

– Ты сам этого захотел, – едва заметно улыбнулся Шэд. – Попасть сюда можно несколькими способами, но ты, пожалуй, выбрал самый экстравагантный.

Он кивнул на выбравшихся у меня из-под лап улишшей, однако они, как ни странно, не торопились вернуться к... вероятно, хозяину? Вместо этого они снова превратились в черные «бурунчики», довольно-таки быстро сменили форму и, скопировав мой чешуйчато-хвостатый облик, демонстративно загородили меня собой.

– Очень мило, – фыркнул сборщик душ, ничуть этим не обеспокоившись. – Но глупо. Стоило так долго ждать, пока ваш приятель сумеет сюда забраться, лишь для того, чтобы делать какие-то гадости? Брысь, мелкие. Не то развею.

Я тихо заворчал: «Я тебе развею... а вы, малышня, место!»

Улишши, словно услышав, послушно юркнули мне под пузо. Однако форму не сменили, клычки не спрятали, так и продолжая скалиться на бывшего хозяина, будто и впрямь считали, что обязаны меня защищать.

Шэд от них только отмахнулся:

– Мелкие еще. Корми лучше, тогда, может, на что-нибудь и сгодятся. Кстати, имей в виду – прикармливать энергетических паразитов небезопасно. На твоём месте я бы больше никого не приручал.

«Тебе еще есть что сказать?»

Он усмехнулся:

– Ишь, смелый какой... пообвык, обжился, обнаглел, но в чем-то ты прав. В этом мире у меня есть немного больше времени, чтобы ответить на твои вопросы. Собственно, кроме таких, как ты, шайенов, попасть сюда не может ни одно живое существо. Меня к живым можно причислить лишь условно. А вот из нурров шайены получают легче всего, поэтому отступники прямо-таки жаждут их заполучить, чтобы добывать с изнанки всякие вкусности. К примеру, улишшей, коренных обитателей этой части реальности. Или еще чего похуже... – Шэд выразительно покосился на мертвую кляксу. – Знаешь, что это такое?

«Какой-нибудь очередной паразит?»

– Хуже. Это то, что осталось от человеческой души. Которую сперва выкинули из тела, затем заставили пару десятилетий потомиться здесь, позволив превратиться в тупую, вечно голодную тварь.

С этими словами он ткнул кончиком трости в кляксу, и та с короткой вспышкой исчезла, оставив после себя четкий след, словно кто-то обвел место гибели твари жирной черной линией.

Я вопросительно уставился на Шэда.

«Если мне не изменяет память, забирать отлетевшие души – как раз твоя работа?»

– Само собой, – брезгливо отерев трость о землю, подтвердил собиратель. – А вырождение душ – тот неприятный процесс, которого я не должен был допускать ни при каких условиях.

«Но все же допустил?»

– Так получилось, – тяжело вздохнул Шэд. – Изнанка – моя, можно сказать, вотчина. Здесь я могу гораздо больше, чем в реальном мире. И это обусловлено тем, что только сборщики должны находить, забирать и провожать отлетевшие души к месту их последующего возрождения. Собственно, до определенного момента так и было. А потом кое-кто решил, что может вмешаться в процесс. Ставить нам условия. Торговаться за сроки своей и чужой жизни или смерти. Итогом этого вмешательства стало то, что ты сейчас видишь.

Я непонимающе нахмурился: «Что произошло?»

– В обычное время изнанка является естественным продолжением известной тебе реальности. Действительно, как подкладка у верхней одежды. При должном уходе она согревает, оберегает хозяина, а заодно прикрывает прилегающую реальность от разрывов. Но если целостность подкладки нарушить, скажем, слишком долго таскать в карманах острые предметы или умышленно их отдирать, то в разрывы начинает лезть наполнитель, который вскоре начнет мешать и оставаться клочьями на одежде.

Я окинул изнанку еще одним задумчивым взглядом.

Условно мертвый, как бы вывернутый наизнанку мир: ни деревьев, ни кустов, ни людей – вместо них его населяли души. Зато здесь в неизменном виде было сохранено то материальное, что имелось в обычном мире: камни, железки и то, что из них построено. Тогда как о дереве, животных и птичках я мог благополучно забыть.

– Верно, – подтвердил мою догадку сборщик душ. – Неживое служит связующей нитью между двумя мирами. Как стежки или швы, пронизывающие слои мироздания. Именно на них фиксируется барьер между мирами. И в том числе поэтому их сложнее разрушить.

«Какой был смысл нарушать связь реального мира с изнанкой?»

– Чтобы его поменьше навещали такие, как я, – невесело хмыкнул Шэд. – Несколько столетий назад группа магов решила, что собиратели этому миру не нужны. Что количество душ, которое в нем находится, должно оставаться неизменным. И что такие, как мы, незаконно вмешиваются в естественный ход вещей, по собственному усмотрению забирая тех, чей срок еще не пришел.

«А вы это делаете?»

– В исключительно редких случаях нам позволено распоряжаться чужим временем. Но это довольно хлопотно и крайне затратно.

«Хм, – озадаченно крякнул я, с недоверием рассматривая брюнета. – Вероятно, кто-то поверил, что вы забираете в рабство особо отличившихся... как ты тогда сказал? Сроком на целую вечность?»

Тот кивнул.

– Пока маги не знали о существовании изнанки, у нас не было проблем. Мы выполняли свою работу, не оповещая об этом верхний мир. Ведь внутри «подкладки» можно перемещаться, оставаясь незримым для обитателей другого слоя реальности...

«Ага. Так вот как ты оказываешься в нужном месте и так же быстро, а главное, незаметно умудряешься оттуда сваливать!»

Шэд покосился на меня с укором:

– Пребывание в реальном мире связано с большими затратами, поэтому я могу находиться там всего несколько минут. Чтобы забрать душу, этого хватает. Но после того, как связь изнанки с реальным миром начала разрушаться, нам стало сложнее туда проникнуть. Со временем разрывов стало так много, что на Ирнелле осталось всего несколько мест, откуда мы способны сюда проникнуть. Одно из них расположено здесь, в Гоаре – это столица королевства Архад. Второе – на другом краю света, в пустыне. А третье – в горах, неподалеку от гнездовой нурров.

«Так это твоими усилиями один из них оказался в столице?»

Сборщик душ едва заметно улыбнулся:

– Это был самый простой способ добыть нужное тело. Твой сосед был слаб, поэтому сородичи изгнали его из стаи. Оказавшись на поверхности, он не смог оказать сопротивления охотникам, которые занимаются отловом детенышей. Обычно стоимость такого зверя достигает нескольких сотен, а то и тысячу золотых. Однако твоего продали в столицу за бесценок: больной нурр почти непригоден к экспериментам. Его можно пустить только на органы, что в общем-то и собирались сделать.

«Тебе-то откуда знать? – снова прищурился я. – Хотя погоди... что-то мне подсказывает, что зверь мог быть не таким уж и слабым. А скажем, просто истощенным. К примеру, из-за того, что кто-то слегка не вовремя попытался изъять у него душу. Так?»

Шэд не отвел взгляда, когда я посмотрел на него прямо.

– Да.

Клац!

«Да хватит уже, – шикнул я на гневно взвившийся хвост. – Тебя, само собой, не спросили, желаешь ли ты стать жертвой эксперимента. Но я тоже не знал, что так получится. Поэтому давай без истерик, лады?»

Сосед все-таки не удержался – плюнул. Но не в Шэда, а в землю у него под ногами, после чего, успокоившись, улегся мне на плечо и больше в разговор не вмешивался.

«Шэд, так кто же на самом деле впихнул в это тело мою душу? – снова обратился я к сборщику. – Это твоя работа или же результат эксперимента убитого карателями мага?»

– Скажем так, благодаря моему вмешательству нурр был благополучно выловлен и доставлен в столицу. А тот маг просто ошибся с заклинанием, поэтому вместо того, чтобы убить зверя, открыл для меня его душу. Остальное было уже делом техники.

«А как же пожар? И откуда вообще об отступнике стало известно карателям?»

– Процесс создания шайена – дело хлопотное, – пожал плечами Шэд. – Во время подселения души изнанка реагирует очень бурно. Ведь, по сути, чтобы привести душу в верхний мир, нужно сделать новый разрыв в «подкладке».

Я нахмурился: «То есть карателей в лабораторию привело именно твое вмешательство?»

– Боюсь, что так.

«А почему вы не можете подлатать изнанку сами? Вы ведь достаточно могущественны, чтобы решать, кому жить, а кому умереть. Да вы, блин, по всем параметрам почти боги! Так почему было не починить то, что маги пытались испортить? Почему, в конце концов, вы не забрали души у них?»

Шэд помолчал, а затем произнес:

– Когда люди узнали, что в процессе перерождения душ участвуют посредники, это вызвало шок. Ведь раньше смерть и жизнь считались неприкосновенными, а

возможность перерождения – неотъемлемым правом каждого человека. Когда же выяснилось, что это не так, то шок сменился страхом. А затем появилось и вполне естественное стремление защититься.

«Ты считаешь, для этого не было повода?»

– Каждый судит по себе, – криво улыбнулся сборщик душ. – Вот и люди решили, что мы не собиратели, а торговцы и имеем с этого какую-то выгоду. Ведь душа человека бесценна. И получается, что тот, кто властвует над ней, в действительности повелевает и всем остальным миром... даже больше, чем миром. К примеру, посмертием. Шансом на возрождение. Ведь одно дело – надеяться, что у тебя после смерти есть какое-то будущее, и совсем другое – знать, что твою душу заберет непонятный тип. А потом... кто знает, позволит ли он тебе жить или же навечно припрячет в пыльную кладовку?

Я медленно кивнул.

Да, звучало логично. Меня бы такое известие тоже, наверное, напугало, если бы я не был уверен, что в любом случае обречен.

– Это случилось давно, – продолжил Шэд. – В то время маги на Ирнелле были еще не слишком опытными. На изучение изнанки им потребовалось несколько столетий. И мы, возможно, упустили миг, когда знаний у людей появилось достаточно, а вот мудрости принять существующий порядок вещей – нет. Нам тогда казалось, что люди не способны вмешаться в то, что происходит с начала времен. И отчасти наша уверенность была оправданна – по законам этого мира ни одному смертному не дано преодолеть барьер в живом виде. Но они придумали другой способ от нас избавиться – начали разрушать саму основу... барьер... то, что делало два слоя реальности единым целым. И это лишило нас возможности приходить сюда так часто, как это было необходимо. На долгое время мы упустили контроль над ситуацией, – признался Шэд, отведя глаза. – Люди по-прежнему умирали, но теперь их души оставались на Ирнелле в неизменном виде. Перерождение – это своеобразный конвейер, у которого есть определенная производительность. Как турникет в метро. Души, которые успели попасть к нему первыми, быстрее всего возвращались обратно. Остальным же приходилось томиться в ожидании, когда откроется заветная дверка. Само собой, с годами очередь становилась все больше. Внутри ее начались волнения, споры и драки за место поближе к проходу. Кого-то в этих драках окончательно развоплощали. А кто-то, как эта самая клякса, решил, что жить можно даже

здесь. Пусть за чужой счет, но все-таки жить. Можешь себе представить, во что превратилась изнанка всего за пару-тройку столетий?

Я невольно вспомнил кишасший кляксами подвал и поежился.

– Это ничтожная доля того, что тут расплодилось, – сообщил Шэд. – Самые слабые, молодые, уязвимые твари... а есть создания и пострашнее. Причем они еще не забыли, куда так стремились вернуться. И при любой возможности рвутся обратно, к свету, не понимая, что света их души больше не переживут.

«Гадость какая...»

– Но и это еще не все. После того как целостность барьера была нарушена, взамен между реальностью и изнанкой стали образовываться совершенно новые связи. Чаще всего это замкнутые карманы вроде того, где мы сейчас находимся. Но иногда появляются и полноценные перемычки. Неучтенные переходы. Преобразованные магией остатки старых швов, по которым, как по кротовым норам, ползут с изнанки отчаявшиеся души. Светлых среди них, как ты понимаешь, немного. А темные за годы, проведенные здесь, научились лишь одному – убивать. И в реальном мире для них всегда найдется добыча.

Угу. Я хорошо помню убитую кляксой крысу.

– Плохо другое, – озабоченно нахмурился Шэд. – Каждая такая перемычка – это дополнительный надрыв в ткани реальности. Поняв, что создания изнанки опасны, люди нашли способ борьбы с ними. Научились не только видеть, но и воздействовать на наш мир. Они, безусловно, делают это в целях самозащиты, но делают неумело, коряво, даже не видя, не подозревая, что своими же руками разрушают оба слоя реальности. Усугубляя и без того серьезную проблему и доводя дело до того, что мы с некоторых пор вообще потеряли возможность сюда пробиться.

Я озадаченно поскреб когтем чешую на горле: «Так вы, получается, привратники? И одновременно ремонтники?»

– Санитары, – с невеселой усмешкой отозвался Шэд. – Но не те, что вяжут неугодных в смирительные рубашки. По роду занятий мы все-таки ближе к уборщикам. Чистим изнанку от грязных душ, стараемся побыстрее отпустить

светлые. Следим за порядком. Сортируем народ в очереди. Предупреждаем перенаселение. И да, ремонтируем турникет, если он забарахлит.

«Ты сказал, что собиратели в какой-то момент потеряли возможность возвращаться... как же тогда смог ты?»

– Я, скажем так, контролер. У меня больше возможностей. Как и везде, когда обычные ремонтники не справляются, приходит пора вмешиваться начальству.

«Так вот почему ты спокойно гуляешь между мирами... – допетрил я. – Остальные, похоже, на это неспособны».

– Именно. Но в сложившихся обстоятельствах даже я не могу долго находиться на Ирнелле. Поврежденная изнанка выталкивает меня прочь. Отторгает как нечто чужеродное.

«И зачем тебе понадобился я?»

– Ты можешь восстановить старые связи, – спокойно сказал Шэд. – Шайены легко преодолевают барьер между мирами, не нарушая при этом его целостность. А любой мир – это в первую очередь живая система, которая всеми силами стремится себя сохранить. Когда ее пытаются разрушить, она вспоминает свое первоначальное состояние и все силы бросает на то, чтобы к нему вернуться. Применительно к тебе это означает, что, переходя с одного слоя реальности на другой, ты являешься таким эталонным элементом, способным напомнить миру, как это должно происходить. Ты для него словно нитка с иглой, которая с каждым стежком потихоньку латает разрывы. Конечно, на то, чтобы стал заметен результат, понадобится не один месяц и даже не один год. Но чем чаще ты будешь это делать, тем больше шансов, что этот мир уцелеет.

Я ненадолго завис, переваривая новую информацию, а потом вспомнил кое-что важное и кивнул на толкующую у меня под брюхом малышню: «А их ты тоже привел ко мне специально?»

– Они немного облегчат твою жизнь, – спокойно признал Шэд. – Это не так много для человека, который вынужден выживать в чужом мире в одиночку. Но это именно то, чем я могу тебе помочь.

«Что ж, и на том спасибо, – проворчал я, лапой отгребая улишкой в сторону. – Как мне отсюда выбраться?»

– На первых порах улишки помогут. Они, как и я, способны считывать эмоции. Потом ты научишься преодолевать барьер самостоятельно, и их помощь уже не понадобится.

«Как мне вести себя с карателями?» – задал я еще один немаловажный вопрос.

– Старайся их избегать. Имей в виду: поисковые и неактивные разрушающие заклинания работают исключительно на изнанке. Тогда как боевые заклинания действуют по обе стороны барьера.

«То есть на изнанке от карателей прятаться не стоит?»

– Радиус действия стандартного поискового заклинания составляет порядка сорока шагов. Структура заклинания плоская, однако его можно использовать как в вертикальном, так и в горизонтальном положении. Помни об этом, когда в следующий раз будешь пытаться уйти от карателей в канализацию. Неактивные разрушающие заклинания, как ты уже понял, статичны. Ими можно закрыть дыру в подвале, поставить защиту на дверь, окно или подпол. Они всегда прокрашены красным и с одинаковой вероятностью могут ранить или убить, но вдогонку тебе его уже никто не кинет. А вот боевые заклинания – другое дело. Взрослые нурры обычной магии поддаются плохо, но заклинания этой группы действуют даже на них. И еще: пока ты находишься на изнанке, тело расходует энергию очень быстро, так что по возвращении в реальный мир тебя будет мучить голод. Заранее озаботься припасами. Особенно теми, которые не купишь в продуктовой лавке. Чем более энергетически емкие продукты ты потребляешь, тем больше шансов выдержать пребывание на сумеречной, как ты ее называешь, стороне. Если вовремя не вернешься, можешь умереть от истощения. Изнанка не место для живых. И ты можешь находиться здесь довольно ограниченное время. Сроки переменны – какими бы ни были твои нынешние возможности, их всегда можно увеличить с помощью тренировок. Займись этим, если хочешь перемещаться по городу днем и так, чтобы никого не встревожить. И избегай встреч со старыми душами, пока не научишься от них защищаться. Все, мне пора, – озабоченно подытожил Шэд, добавив мне головной боли. – Время опять на исходе.

И беззвучно исчез, правда, на этот раз хотя бы успев об этом предупредить.

А я, посмотрев на то место, где он только что стоял, мысленно хмыкнул.

Что ж, вот и обрисовались мои ближайшие перспективы. Правда, сейчас они выглядят сомнительно, но надо жить дальше. Направление Шэд мне уже указал. Возможности для исполнения моих задумок тоже имеются. Поэтому сжимаем зубы и продолжаем двигаться вперед. Тем более что с некоторых пор у меня в этом деле появился собственный интерес.

Глава 6

Когда Шэд исчез, я попросил улишшей увести меня с изнанки, и они, снова став плоскими пятнышками, с готовностью поднырнули под лапы. Меня после этого слегка приподняло над землей, а затем вытолкнуло в реальный мир, как непрошеного гостя, которому хозяева указали на дверь.

Каратель к тому времени ушел достаточно далеко, чтобы не напрягать никого своими фокусами. Но сумеречным зрением я прекрасно видел, как в отдалении ночное небо периодически расцветивается синими огнями, из чего заключил, что мужик не просто так прогуливается по улицам, а целенаправленно рыщет в поисках новых клякс и иных потусторонних сущностей.

При этом, как и предупреждал Шэд, вскоре после возвращения меня обуял зверский голод. Причем такой, что я был готов сожрать что угодно, включая доски, камни, землю, песок и тех самых улишшей, которых пообещал никому не отдавать.

Малышня, к счастью, все поняла правильно и поторопилась слинять, чтобы вскоре вернуться с добычей. Торопливо накидав на пол всяких вкусностей, улишши мудро отсиделись в сторонке и не приблизились до тех пор, пока я не успокоился. На это ушло минут двадцать и приличная горстка драгметаллов, которые я проглотил, даже толком не разобрав, что именно ем. Кажется, там было и золото, и серебро, и даже жемчуг. Ну а когда я наелся так, что с трудом мог вздохнуть, то с огорчением признал, что опять потерял контроль над

звериным телом, и потащился обратно в логово. Отдыхать, отсыпаться и думать.

С тех пор мои ночные вылазки приобрели более узконаправленный характер. Вместо того чтобы просто так подглядывать за жителями Гоара, я теперь большую часть времени экспериментировал. Нырял из реального мира на изнанку и обратно. Пытался рассчитать время, в течение которого пребывание на ней оставалось безопасным. Прислушивался к себе. Изучал окрестности. Просил улишшей раз за разом повторить перенос. И после нескольких сотен попыток все же научился его улавливать.

Как оказалось, для перехода в сумеречный мир следовало преодолеть тот самый барьер, о котором упоминал Шэд. Загадочную пленку, что отделяла изнанку от обычной реальности, то есть собственно «пальто» от «подкладки». Когда я научился ее ощущать, стало намного проще. Ну а после того, как я поймал ощущение проваливания, неизменно сопровождающее сам переход, прыжки с одного слоя реальности на другой стали почти обыденностью. И вот тогда настала пора новых открытий.

Первое, что я обнаружил, когда попытался обежать венчающую наше логово башню, это то, что на самом деле изнанка неоднородна. По ней нельзя было просто так пробежаться, потому что ее пронизывало множество коридоров, которые время от времени заканчивались тупиками. Причем стен этих коридоров я не видел, пока не утыкался в них носом. И первое время чувствовал себя как крыса в стеклянном лабиринте, по которому кружишь в поисках выхода, но так и не можешь выбраться.

Дело осложнялось тем, что коридоры обрывались в самых неожиданных местах, будто трубы, из которых кто-то вырезал приличный кусок. Но если продавить собой барьер, выйти в реальный мир, пробежаться по нему пару-тройку шагов, а затем снова нырнуть на изнанку, то можно было попасть в тот же самый коридор и продолжить путь, пока дорогу не перегородит еще одна стена.

Непосредственно мест фиксации барьера я, правда, не уловил. Но, как и обещал сборщик, все без исключения камни (в том числе драгоценные), железо, сталь и другие сплавы прекрасно себя чувствовали в обоих мирах. Поэтому, даже когда улишши оставляли добычу на верхнем слое реальности, мне не требовалось выходить с изнанки – я слямзивал остающиеся реальными монеты прямо оттуда и мог не бояться, что в какой-то момент истощусь.

Дома рядом с площадью я тоже проверил на предмет материальности и наглядно убедился, что построенные из камня здания действительно существуют и там, и там. Пройти сквозь эти строения у меня не получилось в отличие от хлипкой лачуги, где я впервые перешел на изнанку. Крепость стен в нижнем мире тоже осталась прежней – я легко мог по ним вскарабкаться, залезть на крышу и даже потоптаться по резиновому покрытию, которое, как ни странно, тоже никуда не делось.

Окна... вот с окнами получалась какая-то фигня, потому что стекло, как выяснилось, даже на изнанке оставалось самим собой, тогда как деревянная рама превращалась в призрачную. Сквозь нее можно было спокойно просунуть лапу, отодвинуть железную задвижку, потрогать петли. Однако вынуть само стекло из пазов у меня не получилось. При этом ощущения от контакта с деревяшкой оставались на редкость неприятными. Причем настолько, что с дальнейшими экспериментами я решил повременить.

Облазив всю площадь и убедившись, что практически везде изнанка выглядит точно так же, я подумал, что, наверное, когда-то давно она все-таки была цельной. Но потом ее изломало, искорежило, разорвало на множество коридоров, и теперь перемещаться по ней стало затруднительно.

Желая убедиться в собственной правоте, я принялся нырять из коридора в коридор, составляя в уме схему их расположения. Мне показалось, что возможность незаметно перемещаться по городу того стоила, поэтому времени я не пожалел. И через пару-тройку недель с удивлением обнаружил, что в тех местах, где я чаще всего проходил сквозь барьер, расстояние между коридорами необъяснимым образом сократилось.

Я сперва решил, что мне померещилось или же я чего-то не учел. Поэтому еще пару ночей потратил, бегая вокруг логова бешеной псиной. Заново все осмотрел. Убедился, что коридоры сблизились еще плотнее, и все-таки сообразил, что же именно имел в виду Шэд, когда утверждал, что я способен помочь этому миру.

Как выяснилось, мое присутствие на Ирнелле и впрямь было сродни иголке, за которой тянется невидимая нить и потихоньку стягивает между собой края порванной ткани. Чем больше я прыгал туда-сюда, тем чаще становились стежки. И тем надежнее привязывалась изнанка к верхнему миру. Иными словами, чтобы получить желаемое, Шэду незачем было давить или в чем-то меня ограничивать – все, что для этого требовалось, я и без того делал. Просто

потому, что постанова заплатак являлась побочным продуктом тех амбициозных задач, которые я перед собой поставил.

Само собой, ради собственного удобства я решил помучиться и проложил на площади несколько длинных коридоров, чтобы без помех перемещаться между логовом и ближайшими домами. А когда сообщение было налажено и у меня появились нормальные «дороги», я выбрался за пределы площади и обнаружил еще одну интересную вещь.

Оказывается, чем дальше от башни, тем больше сокращалось количество коридоров, а их ширина, напротив, существенно возросла. Перемещаться по ним стало не в пример удобнее. Они гораздо реже обрывались. И вообще создавалось впечатление, что два слоя реальности были грубо порваны лишь в непосредственной близости от руин.

«Так, может, и башня не просто так рухнула?» – подумал я, обнаружив эту закономерность.

– Верно, – со смешком признался Шэд, когда я его об этом спросил. – Чаще всего грубые разрывы оставляют разрушающие заклинания. И в свое время их здесь было использовано предостаточно. Барьер после этого превратился невесть во что, а люди начали считать, что это место проклято, и только поэтому за столько времени тебя никто не потревожил.

«А кто здесь раньше жил, если не секрет?» – любопытствовал я.

– Имена этих людей мне неизвестны. В то время моего присутствия на Ирнелле не требовалось, а учебников по истории я, сам понимаешь, не читал.

«Откуда же ты тогда знаешь, как уничтожили башню?»

– Магия, уродующая сразу оба мира, оставляет следы, – пожал плечами Шэд. – Они как старые раны, которые никогда не закрываются. Сколько бы времени ни прошло, все ноют и ноют, порой не успокаиваясь до самой смерти. Но тот факт, что тебе удалось немного уменьшить эту боль, обнадеживает.

«Во всем остальном мире изнанка тоже повреждена?» – снова спросил я, когда собиратель умолк.

– Где-то больше, где-то меньше.

«И ты хочешь, чтобы я всю ее залатал?!»

– Нет, – фыркнул Шэд. – Для этого всей твоей жизни не хватит, даже если она будет в разы дольше, чем у людей. Твоя задача – дать этому миру толчок, заставить его вспомнить, как было раньше. А остальное он со временем сделает сам.

«Уф, спасибо. А я-то уже напрягся».

Сборщик душ кинул в мою сторону снисходительный взгляд. А затем покосился на горку железа, вокруг которой суетились маленькие улишши.

– Что? Делаешь запасы на зиму?

«Конечно, – проворчал я. – Ты же сам сказал, что органика на изнанке не приживается, поэтому приходится обходиться неорганическими материалами. Золото и серебро быстрее всего утоляют голод, поэтому я прошу улишшей приносить именно их. В противном случае, вернувшись с изнанки, рискую сожрать припозднившегося прохожего, свою малышню или обгрызть с домов всю облицовку... не исключено, что вместе с хозяевами».

Шэд одобрительно кивнул:

– Кстати, тебе больше не обязательно делать вылазки по ночам. Солнечный свет на изнанку не проникает.

«Я уже догадался, – усмехнулся я. – Улишши ведь отсюда никуда не исчезают, тогда как в реальном мире они могут присутствовать только в темное время суток. Меня беспокоит другое – если я наткнусь на оборванный коридор днем, то могу ненароком вывалиться в реальность. Сейчас, в темноте, если такое случится, меня никто не увидит. А вот если это произойдет в полдень, да еще посреди оживленной площади... знаешь, главным участником еще одной облавы

я становиться не хочу».

– Согласен. Ты еще не очень хорошо чувствуешь барьер.

«Ну вот поэтому я и разведываю обстановку. Сперва хочу проложить прямые коридоры до нужных мне мест, а уж потом начну ими пользоваться. Так безопаснее».

Собиратель едва заметно улыбнулся:

– Тогда сделай хотя бы один коридор в сторону рынка. Это всего два квартала на север.

Я ненадолго задумался, а потом кивнул.

Да, рынок – это отличная идея, ведь днем там будет много народу. И местных, и приезжих. Из разных сословий, с разным уровнем достатка. Если на изнанке нет солнца, то днем я больше не буду слепнуть. Соответственно, много чего смогу подсмотреть, изучить, узнать. Сумеречный мир – отличное подспорье для шпиона. А я, как ни крути, все еще здесь чужой и пока из тени выбираться не планировал.

* * *

К середине четвертого месяца пребывания на Ирнелле я сделал все, что хотел, снабдил себя коридорами по всем изученным направлениям, после чего начал таки совершать дневные вылазки в город. Сперва ненадолго, буквально на пару-тройку минут. Затем постепенно увеличивал время до тех пор, пока это не стало привычным, а улишки не обустроили в разных уголках коридоров многочисленные склады, где я мог в любое время утолить голод.

Не знаю, правда, сколько народу они для этого ограбили, но отметил, что в последнее время малышня стала лучше меня понимать и почти перестала приносить новенькие монеты. Теперь среди их добычи регулярно встречались ржавые, покрытые пылью, плесенью, а иногда и землей раритеты. Причем не только в виде древних, поеденных временем монет, но и старинных украшений.

Меня это открытие одновременно и порадовало, и огорчило. Порадовало потому, что улищи явно грабили какие-то старые, всеми забытые клады, склепы и захоронки. Не исключено даже, что не совсем законного происхождения. А огорчило по причине того, что независимо от сохранности приносимых изделий я самым бессовестным образом их съедал, тем самым безвозвратно уничтожая древнее (наверняка бесценное с исторической точки зрения) наследие целой расы.

Зато на дармовых харчах я еще больше отъелся, раздался в груди, подрос, заматерел. Однако в весе прибавил не так сильно, как опасался, поэтому крыши своим весом пока не проламывал. Видимо, поглощенные мною металлы успевали переработаться, частично используя для укрепления костей, зубов, когтей и чешуи; частично расщепляясь до атомов-молекул и расходуясь во время пребывания на изнанке; а частью откладываясь про запас. Причем размеры этого самого запаса тоже постепенно росли, потому что чем больше проходило времени, тем дольше я мог находиться на изнанке, не испытывая дискомфорта.

Когда время нахождения в сумеречном мире достигло двух с половиной часов, я в первый раз рискнул отойти далеко от башни и посетил тот самый рынок, куда советовал заглянуть Шэд.

Собственно, это был совсем не тот рынок, который был мне знаком по родному миру, – скорее, его следовало назвать стихийным, организованным прямо посреди улицы базаром, где стояли грубовато сколоченные прилавки и поставленные друг на друга ящики, с которых местные жители торговали всем, чем могли.

Горячая выпечка, зелень, мясо, свежая и даже свежайшая рыба, которую, наверное, бедняки вылавливали в той же реке, по которой в город прибывали корабли. Само собой, молоко, масло, творог, сметана, крупы. А также цветные ткани, глиняная посуда, деревянные ложки, расписные доски, ручные поделки, игрушки... Здесь действительно было все или почти все, за исключением, быть может, ювелирки, оружия и крупного рогатого скота.

Насчет солнца меня, кстати, не обманули – на этом слое реальности оно выглядело блеклым, имело явственный салатный оттенок и ничуть не вредило моим чувствительным глазам. А еще я, к своему удивлению, выяснил, что в отличие от запахов звуки каким-то чудом все-таки доносятся до изнанки. Низкие, тягучие, гулкие, словно из пустой бочки. А вот в обратную сторону

барьер никаких звуков не пропускал, что сильно меня порадовало и сделало наблюдение не только продуктивным, но и безопасным.

Сперва я, разумеется, следил за происходящим с крыш, периодически похрустывая припасенными железками. Потом рискнул спуститься вниз, к прилавкам. На пробу сунулся к одному торговцу, к другому, к третьему. В процессе изучения содержимого прилавков еще раз убедился, что сквозь деревянные можно ходить, не опасаясь что-нибудь опрокинуть. Но после того как в одной из подставок обнаружились металлические вставки и я, расслабившись, едва не свернул набок всю конструкцию, пришлось вспомнить об осторожности.

Кстати, на живых я тоже не наталкивался – люди и звери были как раз тем, что отсутствовало в моем серо-зеленом мире, и в этой точке пространства два слоя реальности, можно сказать, не пересекались. За исключением случаев, когда человек носил при себе оружие, драгоценности или просто перекладывал на прилавке железки. С изнанки это выглядело так, словно серо-зеленый комок энергии в форме человека вдруг решил обзавестись засапожным ножом, навесил на шею бусы из дешевых камней, припрятал за пазухой полупрозрачный кошель, в котором можно было с легкостью пересчитать монеты, или же обзавелся железной пряжкой на пояском ремне.

Столкнувшись с такой пряжкой, я вполне мог кого-то толкнуть, напугать или уронить. Поэтому шнырять между прилавками приходилось с еще большей оглядкой, чем раньше.

Зато уже в первые дни я сумел выяснить значение массы незнакомых прежде слов. Посмотрел, какими товарами здесь торгуют. Оценил по мере возможностей качество тканей, продуктов и кузнечных изделий. Наконец-то познакомился с ценами. Узнал, как называются числа от одного до пятнадцати, благо покупатели и продавцы активно жестикулировали, особенно когда платили или отсчитывали сдачу. Заодно выяснил, что курсы меди к серебру, а также серебра к золоту составляли один к пятнадцати. А также то, что даже серебряная монета на этом рынке считалась довольно приличной суммой, ну а золотые если и мелькали, то лишь внутри домов и за тщательно закрытыми ставнями.

Еще я заметил, что в самые оживленные часы, то есть до обеда, на рынке регулярно ошивалась стайка босоногих пацанов лет десяти-двенадцати. Судя по тому, как настороженно на них косились продавцы, детки промышляли попрошайничеством и самым обычным воровством. Хотя некоторые

сердобольные, наоборот, старались их подкармливать и откровенно жалели, несмотря на то что от набегов малолетних воришек страдали практически все.

Встречались, правда, на рынке и другие дети. Так же бедно одетые, но менее наглые, спокойные и, как правило, приходящие с такими же небогато одетыми родителями. Иногда случалось, что подростки появлялись поодиночке, но тогда, если они покупали еду, то на пути к дому им следовало держаться ближе к взрослым и стараться не ходить узкими переулками. Если же кто-то проявлял неосторожность, то мог нарваться на все тех же попрошаек и рисковал не только лишиться корзинки с припасами, но и остаться битым. Я только за неделю стал свидетелем двух подобных случаев. Хотя для этой части города подобное, наверное, было в порядке вещей.

Одним из тех, кто не гонял беспризорников и всегда находил для них мелкую монетку, был одинокий, болезненно худой и откровенно нездорового вида старик, который изо дня в день сидел в самом конце улицы. Что он там делал, если перед ним не лежало ни шапки для подаяния, ни товаров на продажу, я долго не понимал. Но потом увидел, как к старику подошел чуть более богато, чем большинство местных, одетый человек. Они о чем-то переговорили. После чего человек ушел, а старик достал из-за пазухи несколько аккуратно свернутых свитков и, развернув один, полдня что-то красиво на нем выписывал тонкой деревянной палочкой, время от времени окунаемой в чернила.

Тем же вечером заказчик вернулся и, бросив в морщинистую ладонь несколько медных монеток, забрал... ну, вероятно, письмо. Старик так обрадовался, что половину суммы припрятал за пазухой, а на вторую купил у соседки-торговки булочек с повидлом, из которых одну съел, а остальные раздал моментально подтянувшимся детям. Те, по-видимому, уже знали, что щедрый дедок непременно их угостит, поэтому сбежались к нему мгновенно. А когда булочки закончились, так же быстро умчались прочь, слизывая с пальцев начинку.

Меня же поведение старика удивило, в том числе и потому, что сам он не выглядел сытым. Я даже за ним проследил и, выяснив, что живет дедок в обычной лачуге, без двери и с забитыми досками окнами, поразился повторно. Но наверное, в любом мире и в любом городе найдутся чудачки, для которых собственное благополучие значило гораздо меньше, чем возможность помочь тем, кому помощи ждать больше неоткуда.

Старика, как вскоре выяснилось, звали Лурр, и на рынке его не только жалели, но и помогали чем могли. Раз в пару дней кто-то из торговцев подходил и заказывал у деда какую-нибудь фигню. То сделать надпись на деревянной табличке, то игрушку раскрасить, то письмо написать, и каждый раз история с плюшками повторялась. Даже зная о том, куда он потратит деньги, люди все равно потихоньку его поддерживали. А старик был рад тому, что имеет, и ни разу не продемонстрировал, что такой образ жизни хоть как-то его тяготит.

И это при том, что он действительно был болен. Лурр часто кашлял. Иногда даже с кровью. Порой задыхался от непонятного мне недуга. А ходил так медленно и тяжело, что это и впрямь вызывало жалость. Тем не менее он был упрям, на удивление добр и даже в дождливую погоду неизменно появлялся на своем месте, стараясь заработать лишнюю медяшку не столько ради себя, сколько ради детей, которые вились вокруг него целыми днями.

Некоторых он даже пытался чему-то учить. Старательно объяснял, красивым почерком выписывая на земле местные цифры и буквы. Детвора, озабоченная другими проблемами, разумеется, не слушала. Зато для меня старик оказался настоящим открытием, и я ни разу не пожалел, что потратил на него столько времени.

Не то чтобы я всерьез рассчитывал, что вот так просто выучу алфавит или освою местную письменность. Однако это были знания. Потенциальная возможность адаптироваться, когда... вернее, если у меня все-таки появится нормальное тело. Наконец, это было живое человеческое общение, по которому я успел соскучиться. Поэтому очень скоро перебрался с крыши в тот закуток, где на низенькой табуретке сидел старик Лурр, и часами лежал рядом, замороженно слушая его речь, внимательно глядя за тем, как он пишет, и стараясь запомнить все, что только возможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Лейкоз – злокачественное заболевание крови (здесь и далее прим. авт.).

2

Бласты – незрелые клетки костного мозга, количество которых резко увеличивается при острых лейкозах. При этом из-за генетического дефекта в них нарушается процесс созревания, поэтому бластные клетки продолжают интенсивно делиться, вытесняя из костного мозга нормальные клетки крови.

Купить: https://tellnovel.me/ru/lisina_aleksandra/izomorf-vor

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)